

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

III.

Если выйти из хутора Гарного и круто повернуть направо, то встрѣишь лѣса старые, густые, въ которыхъ, говорятъ, водятся и медвѣди. Въ дѣтствѣ меня очень занимала непроницаемая темнота этихъ лѣсовъ; какъ я ни всматривался въ эту гущину, но никакъ не могъ замѣтить малѣйшаго просвѣта; точно черная стѣна, недвижно стояли, и теперь стоятъ, вѣковые дубы. Задолгодо сумерекъ, лѣса эти становятся мрачны, и глухой шелестъ ихъ листьевъ наводитъ на человѣка раздумье: идти туда, или нѣтъ? И вечеромъ, дѣйствительно, никто туда не пойдетъ, кромѣ стараго пастуха Архиша, которому извѣстны все окружныя тропинки. Довольно, говорятъ, войти въ этотъ лѣсъ на 15 шаговъ, чтобъ очутиться въ темнотѣ; а страха такого натерпѣшься, что лучше было бы и не разсматривать. Подъ осень, по ночамъ, выходятъ оттуда съ воємъ волки; одни отправляются за добычей къ хутору, а огненные глаза другихъ, какъ угольки, высвѣчиваютъ на опушкѣ. И днемъ, въ праздники, отправляясь по грибы, дѣвушки все сторонятся отъ этого лѣса; иная, посмѣлѣе, и вскочитъ туда,—и съ визгомъ выбѣгаетъ поскорѣе назадъ. Страшный лѣсъ! А откуда этотъ страхъ? никто не знаетъ. Спросите любого: видѣлъ ты тамъ медвѣдя? онъ скажетъ: нѣтъ. Что же, *лісовикъ* тамъ живетъ?—и этого никто не знаетъ, никто не видѣлъ и лѣшаго. Повѣрять какія-нибудь есть?—Нѣтъ. — Былъ случай, который навелъ такой страхъ?—И этого не было. Спросите любого крестьянина, почему онъ не ходитъ въ лѣсъ?—онъ непременно отвѣтитъ: «тамъ, мабуть, нечисто.» Почему жъ Архишъ не боится?—*Вінъ заговоренный*. Странно! что же, наконецъ, за причина? должна же быть причина?—Нѣтъ причины... Спрашивалъ я и у старыхъ людей, людей умныхъ,

много и хорошо знающихъ, и они ничего не сказали, только, покачавъ головой, совѣтовали и мнѣ не ходить. Говорили бабы, будто жили тамъ когда-то разбойники и много душъ загубили, а теперь души тѣ живутъ въ лѣсу и ходятъ по почамъ; но бабамъ вѣрить нельзя. Дівчата — тѣ краснѣютъ да смѣются, когда спросишь у нихъ, — самому совѣтуютъ познакомиться съ лѣсомъ. Живетъ еще на хуторѣ одна старуха — *тітка Маруся*, что не боится черныхъ дубовъ и ходитъ въ лѣсъ, — да она чудна баба, вездѣ ходитъ, и всѣ боятся ея не менѣе страшнаго лѣса. Кто, говорятъ, обидитъ тітку Марусю, — тому добра не ждать: вѣдьма она, и непременно напакоститъ. И съ-виду она странная: ей лѣтъ шестьдесятъ, а ходитъ такъ скоро, что и малый лѣтъ двадцати едва поспѣваетъ за нею; одѣвается всегда въ яркіе цвѣта, а платокъ на головѣ черный; ходитъ всегда съ длинной палкой. Никогда работы никакой не дѣлаетъ, а любитъ домашнюю птицу и усердно смотритъ за нею, не любитъ даже, когда повара убиваютъ ее для стола. Лѣтомъ всё сидитъ подъ амбаромъ; собирается около нея кучка дѣтей, — она имъ сказки рассказываетъ, да по головкѣ гладитъ, и храни Богъ, обидѣтъ ребенка: тітка Маруся поѣдомъ заѣстъ злого человѣка. Молодыхъ дѣвушекъ она не любитъ, всё бранитъ ихъ: »се, кáже, ледáщо!« А тѣ тоже, не пропустятъ случая допечь ей какъ-нибудь: молодежь не боится мести старухи; повáжные хуторяне, напротивъ, обращаются съ нею почтительно, питаютъ сильную вѣру въ могущество ея волшебства. Какъ только выйдетъ тітка Маруся погрѣться на солнышкѣ, дѣти со всѣхъ сторонъ летятъ къ ней навстрѣчу, прыгаютъ около нея, цѣплются за красную ея запаску и съ радостнымъ шумомъ провожаютъ ее къ амбару, гдѣ обыкновенно бываетъ постоянное ея засѣданіе. Зимой тітка Маруся собирается на печку, въ своей хатѣ, и появляется на воздухъ только затѣмъ, чтобъ полюбоваться на своихъ любимцевъ: курей, пидѣекъ, гусей и т. д. Тамъ, на печи, проводитъ она мѣсяцевъ пять въ полномъ уединеніи, шепчетъ что-то цѣлый день, да возится съ кошками, которыхъ также очень жалуетъ, въ ущербъ собакамъ, которыхъ терпѣть не можетъ; и если въ ея дверяхъ покажется собачья морда, то у тітки Маруси однимъ горшкомъ меньше непременно: что подъ руку попадется, тѣмъ и швырнетъ. Работы, по-обыкновенію, въ рукахъ у нея нѣтъ никакой, и никакія убѣжденія ключника въ томъ, что она даромъ хлѣбъ ѣстъ, не могутъ заставить ее работать. Единственное занятіе, за которое она иногда берется, это — какъ поснѣтъ макъ — добываніе его изъ маковокъ. Вообще, тітка Маруся не любитъ общества и постоянно со-

стоитъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ окружающими. Лѣтомъ, когда люди не на работѣ, хуторяне проводятъ цѣлый день на воздухѣ, и голосъ тѣтки Маруси не умолкаетъ ни на минуту. Предлогъ къ ссорѣ она найдеть во что бы ни стало. Откуда нашло на тѣтку Марусю такое мизантропическое настроеніе—никто не знаетъ. Замужемъ она никогда не была; въ молодости, слышно, была отличная работница, изъ себя красавица; сверстники ея, лѣтъ 40 назадъ, были безъ ума отъ Маруси; жениховъ у ней было пропасть. Но Маруся отказывала да отказывала. А тутъ вдругъ съ нею что-то неладное случилось: спала дѣвка зъ лицѣ, а станомъ пополифла. Подсмѣиваться начали надъ нею... Вдругъ исчезла Маруся; куда?—никто не зналъ. Искали ее, искали—не нашли, да такъ и забыли. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вернулась домой, уже съ покрытой головой, и хлопчикъ съ нею; а гдѣ ходила — никому несказала. Съ той поры стала она грустна и печальна; много плакала, перестала работать; а тутъ мальчикъ ея умеръ. Затосковала Маруся, постарѣла, посѣдѣла, сморщилась, озлилась на всѣхъ, высохла въ щепку, избѣгала людей, и народъ рѣшилъ, что она вѣдьма.

Особенно не любила тѣтка Маруся Ондрія. Просто, видѣть не могла его равнодушно; дня не проходило лѣтняго, чтобъ они не поругались. Только завидитъ тѣтка Маруся своего врага—и поидеть кричать на три двора. Ондрій впрочемъ больше всё махалъ только рукой да отдѣлывался междометіемъ: ну, ну!

— Вылѣзло уже пугало! кричить Маруся.

— Ну, ну, ну! отвѣтитъ Ондрій, и поидеть своей дорогой.

— Куда ты, бісівъ сѣну? цыпленка задавишь, дьяволъ!

— Ну, ну, ну!

— Да ты бѣ на свѣтъ постыдился смотрѣть!

— Ну, ну, ну! — Махнеть Ондрій рукой, да поскорѣ въ первую дверь и спрячется.

Ондрій никогда не любилъ говорить о тѣткѣ Марусѣ, и всегда становился угрюмъ и сердитъ, какъ только рѣчь до нея касалась. Не тутъ ли была разгадка мизантропіи старухи? Душа человѣка — потемки.

Заговорилъ я о тѣткѣ Марусѣ потому, что сказалъ о страшномъ лѣсѣ, съ которымъ я мало-по-малу познакомился. Отъ скуки, взялъ я разъ ружье и пошелъ въ лѣса; прогулки мои повторились нѣсколько разъ. Сначала ружье носилъ я съ собою только для того, чтобы видѣли, что я не даромъ шатаюсь; но мало-по-малу я пристрастился

къ охотѣ, и отправлялся въ лѣсъ почти каждый день. Во время такихъ прогулокъ, заходилъ я иногда далеко отъ дома; кстати кругомъ было много болотъ, и охота была славная. — Въ первый разъ, я какъ-то всталъ на зарѣ, вышелъ изъ дому съ ружьемъ, и случайно повернулъ къ лѣсу. Подошедши къ самой опушкѣ, я однако остановился; жутко стало: черно такъ, что страхъ. Но подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ идти. Скоро я протиснулся въ такую гущину, что и слѣду человѣческаго уже не видно. Но я не обратилъ на это вниманія, бодро шелъ впередъ, и мало-по-малу такъ замечтался, что забылъ совѣтъ о ружьѣ и не чувствовалъ на плечѣ его тяжести. Утро было чудное; кругомъ такая тишина, что ни одинъ листокъ не шевельнется; только слышался шелестъ моихъ шаговъ, да спугнутая иволга или кукушка перелетала съ дерева на дерево. Тѣсно сплетшіеся между собою кусты загораживали мнѣ дорогу, и мнѣ съ трудомъ удавалось раздвигать ихъ. Солнечные лучи рѣшительно не пробивались въ эту глубь, и я не почувствовалъ ни малѣйшаго жара, хотя шелъ уже часа три. Я забылъ сказать, что лѣсъ этотъ назывался *Сагайдачнымъ*. Причину этого названія я никакъ не могъ открыть; говорили, что такъ называется уже много лѣтъ, и другого названія никто не зналъ и не слыхалъ. Въ этомъ названіи, казалось мнѣ, кроется что-нибудь чудесное, быть-можетъ историческое: не даромъ же освящено оно тѣмъ славнымъ именемъ. Погружаясь въ такія размышленія, я совѣтъ позабылъ объ окружавшей меня дѣйствительности и перешелъ въ какой-то волшебный міръ, много имѣвшій общаго съ тѣмъ, какой создавало мое воображеніе въ дѣтствѣ. Лѣсъ, переставая уже быть лѣсомъ, превращался въ какую-то одушевленную громаду; деревья, казалось, двигались и заслоняли мнѣ дорогу; вылетавшія изъ кустовъ птицы представлялись мнѣ какими-то врагами, съ которыми я долженъ былъ сражаться. Сорвавшійся съ дерева огромный глухарь такъ перепугалъ меня, что я не цѣлся, выстрѣлилъ по немъ. Трескъ выстрѣла освѣжилъ меня и разогналъ всѣ фантазіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ убитый тетеревъ и слабо помахивалъ однимъ крыломъ. Я поднялъ его и сунулъ въ ягдташъ. Тутъ я почувствовалъ сильную усталость; взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что былъ на ногахъ часовъ пять. Принявъ во вниманіе то, что шелъ я не останавливаясь и, повидимому, не мѣняя направленія, я сообразилъ, что былъ отъ дому покрайней мѣрѣ въ двадцати верстахъ. Нужно было отдохнуть; я опустился на землю и, прислонясь къ дереву, задремалъ. Поднявшись черезъ нѣсколько времени, я рѣшительно не

зналъ, куда идти. Не замѣтивъ направленія, въ какомъ я удалялся отъ хутора, и не твердо надѣясь на то, что во все время пути не мѣнялъ направлеія, я былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Идти, однако, нужно. Я повернулъ влѣво. Пройдя версты три, я замѣтилъ, что лѣсъ начинается рѣдѣть: выходило, что я брелъ не въ ту сторону, куда слѣдовало. Продолжая путь, я наткнулся, наконецъ, на дорогу, на которой замѣтны были слѣды колесъ. Но это помогало мало; я всё-таки не зналъ, куда повернуть, направо или налѣво. Слѣдуя, впрочемъ, правилу мудрыхъ, повернулъ налѣво. Дорога эта привела меня сперва къ небольшому озеру, а потомъ къ селу. Въ сторонѣ, на маленькой возвышенности, стояла большая выбѣленная хата. Я подошелъ къ ней. Прежде всего ко мнѣ бросилась огромная собака съ лаемъ; отмахиваясь отъ нея ружьемъ, я добрался до дверей, которыя, полѣтнему, были отперты. Спиной ко мнѣ сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Я попросилъ воды и позволенія отдохнуть. Милостивая дѣвочка встала и черезъ нѣсколько секундъ принесла кружку съ водой, и подала мнѣ, низко поклонившись, что означало: Бѣдите здоровіи пивши!

— Чій се хата?—спросилъ я.

— Остапова, отвѣтила дѣвочка.

— Се твого бѣтька зовуть Остапомъ?

— Ні, діда.

— А тебѣ якъ зовуть?

— Пріською.

— Де жъ твій отѣць?

— Бѣтько вмѣръ, отвѣтила Пріська.

— А мати?

— И мати вмѣрла.

— А де жъ дідъ?

— Въ хаті, нездѣжае.

— Що жъ, ви вдвохъ живете?

— Ні, у мене е сестра и братъ. Сестра — на огороді, а братъ — чумакуе.

— Чимъ же дідъ нездѣжае?

— А хто ёго знае, равнодушно отвѣчала Пріська:—все боліть.

— И давно вже?

— Зъ місяць буде,—тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ отвѣтила дѣвочка.

— Що жъ вінъ, усе лежить?

— Ні, иноді виводимъ ёго на сонце, — сидить на призьбі.

Я вошелъ въ хату. Слабый свѣтъ, врывавшійся черезъ небольшое окошечко, заслоненное снаружи большимъ дубомъ, не позволялъ сразу осмотрѣть все. Но вскорѣ я замѣтилъ въ углу, на *полу*, человѣческую фигуру, лежавшую лицомъ къ стѣнѣ. Человѣкъ этотъ, на шумъ, произведенный моимъ появленіемъ, отозвался вопросомъ:

— Се ти, Прісько?

Я назвалъ себя и объяснилъ, по какому случаю попалъ къ нему въ гости. Затѣмъ освѣдомился о его здоровьѣ.

— Охъ, нездужаю! слабо отвѣтилъ больной.

При этомъ онъ съ усиліемъ повернулся на другой бокъ, и сѣлъ, поджавъ ноги. Подойдя къ постели, я увидѣлъ очень старого ліда. Рѣдкіе, пожелтѣвшіе уже волосы свидѣтельствовали о многихъ годахъ, пронесшихся надъ этой головой; лицо, по-видимому, нѣкогда длинное, высохло, сморщилось и цвѣтомъ походило на высохшій лимонъ; когда-то длинный носъ свернулся въ крючокъ; губы впали; глаза, лишенные всякаго блеска, ушли такъ глубоко въ свои орбиты, что трудно было разглядѣть ихъ сразу; черты потеряли выраженіе, и даже не отражали въ себѣ физическихъ страданій. Вся фигура старика такъ умалилась и скомкалась, что издали можно было принять ее за дѣтскую. Болѣзнь, продолжительная, безъ всякаго пособія, насквозь проѣла несчастнаго человѣка, вытянула изъ него всю жизнь, оставивъ только легкую оболочку, которая едва удерживала дыханіе, ежеминутно готовое отлетѣть.

— Що въ тебѣ болить? спросилъ я.

— Охъ, усѣ болить, прошепталъ старикъ, медленно покачивая головой. — Лихоманка здавила, прибавилъ онъ.

— Давно ти нездужаешь?

— Да вже, мабуть, лить съ пять, якъ не встайо: по́ги не слѣхаютъ...

— Чи ти жъ лічівся?

Старикъ хотѣлъ улыбнуться; но только пошевелилъ сухими губами и махнулъ рукою.

— И молодимъ бувъ, такъ не лічівся ніко́ли, ато бъ на старість зду́ривъ! насмѣшливо проговорилъ онъ. — Якъ прийде́ця не змо́готу́ тери́ти, такъ я ви́пню кваску́, отъ и ве́і мо́і лі́ки. А лі́чи́тьця — хіба́ щобъ лю́де смі́ялись! Ні! Да вже старість прийшла, порá й уми́ра́ть. Ду́мавъ, що по́стомъ ко́нчусь, зо́всімъ одхо́дивъ, и по́ра́ вже зва́ли; такъ ні,—ще ви́державъ. Тепе́рь, ко́либъ вну́ка побáчить да благослови́ть... вінъ у ме́-

не сла́вний хлопець, — літь сімь уже́ чумаку́е. Коли́сь, то бува́ло й я ходи́в у Кри́мь...

Старикъ замо́лкъ, утомле́нный дли́ною рѣчью.

— Ти бѣ тепле́нького напи́вся, тра́ви яко́ї-небу́дь; все ле́гше бѣ було́, замі́тивъ я.

— Усе́ одна́ково, — умира́ть тре́ба. Я пожи́въ чимáло, — ні́чого жалі́тьця; діте́й нема́; вну́чата повиро́стали: одна́ на ви́данню дівчи́на — Окса́ною звать, а Прі́ська — ще пі́дросто́къ. Якъ дожи́вѹ до зи́ми, вну́чка оже́ню. Ато хочь-би́ за́разь уме́рти: обри́дло, пра́вду ка́жучи, жи́ть: за годáми й сві́ту не ви́дно.

— А скі́льки то́бі годь? спроси́въ я.

Старикъ помолча́въ, подума́въ, покача́въ голово́ю и вздохну́въ.

— Охъ, пани́чу, пани́чу! ба́гато ми́в годь, ба́гато, що й не скажу́... Ось якъ стро́или дво́рець у Бату́рині, такъ ба́тько мій лі́съ вози́въ туди́, — такъ и мене́ бравъ изъ собо́ю; я ще мали́мъ хло́щемъ то́ді бувъ... А тепе́рь, ка́жуть, уже́ й дво́рець той роспа́даєтця... Такъ, що ми́ні біль́ше ста лі́тъ пови́нно бу́ти.

При воспо́минанні о тако́й старині́, Оста́пу уда́лось улы́бнуться. Онъ замі́тно повесе́лѣвъ, вспо́минивъ, ви́дно, чо́-то хоро́шее.

— Я поле́жу да посмо́кчу́ лю́льки, — сказа́въ стари́къ, вы́таски́вая изъ-подъ-се́бя лю́льку и кашну́къ съ таба́комъ: — чи не поле́гшає...

Дрожа́щими рука́ми наби́въ онъ лю́льку, взя́въ въ ротъ, да́же самъ о́гонь ви́сѣкъ, и съ насла́женіємъ потяну́въ ды́мъ.

— Самі́хъ па́рівъ да па́риць скі́льки вме́рло за мо́го життя́! заговори́въ снова Оста́пъ. — Гетьма́нства тільки шма́точокъ за́знаю, ато́ тільки чува́въ. А ще за́знаю, якъ у насъ вільно́ було́... Сині́ мої підъ Ту́рка ходи́ли... самъ я не ходи́въ, а сині́ ходи́ли: дво́хъ тамъ и вби́то. Та се жь коли́шне ще ді́ло! — да́вня рі́ч! *Щу́ка* то́ді ще й со́тникомъ у насъ не бувъ. О, сла́вний бувъ со́тникъ! Ні́хто, було́, въ со́тні не пере́нчѣ ё́го. Гетьма́на якъ ізди́ли стрі́чати́, такъ я при ё́му верхови́мъ бувъ. О́ть, стрі́тили... Ура́ крича́ли. Па́в гетьма́нъ бувъ у кашта́ні, зо́лотомъ ши́тімъ, и зві́зда була́ на бо́ку, — подя́кува́въ намъ, па́ну со́тнику сказа́въ ласка́ве сло́во; въ Моско́вщину вінъ то́ді і́хавъ. О́ть, *Щу́ка*, ви́провади́вши ё́го, си́въ оби́дять, да пи́ва такъ насмо́кта́вся, що тільки голо́вою та рука́ми помота́въ, пробелькота́въ щось — та й Бо́гу ду́шу одда́въ... А тамъ уже́ drúгі поря́дки пі́шли, — приба́вивъ Оста́пъ, помолча́въ не́много.

— А жі́нка тво́я да́вно вме́рла? спроси́въ я.

— Э, паничу! и не споминайте: ще до Хранцѣза; а третій синъ бувъ и підъ Хранцѣзомъ, да вже вернувшись до-дому одружився, да годівъ зъ дѣсять тому вмѣръ, а торікъ и невістка умѣрла. Онѣки, дай Богъ їмъ счѣстья! остались... Вои́и у мене роботѣщи обѣдві, а найбілшъ — Пріся, хочъ и малѣ... Пу, звѣсно, то вже дівка... не робѣта въ її на умі. Тепѣрь, що літо, дакъ такъ тихо, — парубківъ нема́ до́ма; а всю зіму га́лаєь на селі такий, що Бо́же упасі: вечорніці, да весілля, да коло шінку зберѣтця. Ну, не можна... и Оксана — и та туді жъ лізе... Я все їй кажѣ, щобъ стереглась, щобъ не здуріла.

На нѣсколько минутъ мы оба замолчали. Но старикъ, по-видимому, обрадованъ случаю поговорить, вспоминая бывшее, можетъ быть, въ послѣдній разъ передъ смертью, а потому скоро заговорилъ снова:

— Згадавъ я Хранцѣзівъ: жалко було ї дивитись, якъ гвѣли їхъ, бѣдолашнихъ, зімою, цілими ватагами. На їхъ, бѣднихъ, и одѣжани поштії нійкої нема́: той у жіночу ю́пку вбрався, той но́ги соломою обгорну́въ, дрі́угий въ одні́мъ мундѣрчику, — дрижѣть увѣсь, — а въ то́го на голо́ві намотана ро́жіжка... идѣть — підсѣкають, да все: ала́! ала́! Ну, пригонѣять їхъ у го́родъ, або въ село́, — погріютьця тро́хи, а тамъ — изно́въ... у до́рогу... А побѣчить, чо́ртівъ синъ, га́рну дівку, — такъ и кінетця до не́ї, такъ и рвѣтця... Эге́!... ба́гато-такі́ довелось ми́ні побѣчѣть на віку́, ба́гато... Ба́тько, ма́ти умѣрли, жі́нка, ді́ти... а рідні́ — и не зна́ю вже — скі́льки; а тепѣрь отъ и са́мому прихѣдитця на той сві́тъ виби́ратись... Порѣ́, порѣ́... Кажу́ть: «тя́жко уми́ра́ть». Бре́шуть, ї́й Богу—бре́шуть! Тя́жко такъ лежа́ть да бо́літь, а уми́ра́ть—и не тя́жко и не стра́шно. Гру́ди да́вить, дѣхати т́рудно, да безсо́нниця; воро́чаєься, воро́чаєься ці́лу ні́чъ, сто́гнешь, по́ки уто́мисєя, ві́курисъ и́поді́ лю́льку... са́мому ажъ су́мно ста́не... хочъ-би́ скорі́ше смерть! Всі́ якъ ви́йдуть изъ ха́ти, — води́ ні́кому по́латъ, а въ го́рлі такъ пересѣ́хне, що ажъ скри́пнѣть... чо́го тутъ жи́ть ище́? пропада́ть скорі́ше!

Бѣдному Остапу становилось, вѣрно, тяжело; боль, должно-быть, допекала; онъ началъ метаться; голова слегка затряслась, удушливый кашель дребезжалъ въ горлѣ, дыханіе ускорилося, и сидѣть ему было не-въ-мочь; онъ прилегъ... Пріська подошла къ лавкѣ, равнодушно посмотрѣла на старика, сложила на груди руки, потомъ поймала у себя на носу муху, и отошла. Я подаль Остапу воды; пропустивъ въ горло нѣсколько глотковъ, онъ по-видимому успокоился, поднялся опять, и попросилъ квасу. Съ наслажденіемъ тянулъ старикъ этотъ ѣдкій напитокъ, который, очевидно, былъ ему вреденъ, но увѣритъ его въ

этомъ было совершенно невозможно; напившись, онъ нѣсколько ободрился. Я опять совѣтовалъ ему напиться теплаго; но Остапъ рѣшительно воспротивился и опять повторилъ, что смолоду не лѣчилъ, и теперь не станетъ.

Между-тѣмъ, мнѣ пора было возвращаться домой. Я сталъ прощаться съ Остапомъ, обѣщая навѣстить его еще когда-нибудь. Старикъ благодарилъ за посѣщеніе, совершившееся, впрочемъ, случайно; на прощанье сказалъ, что зналъ моего отца, похвалилъ его, прибавивъ:

— Вашъ отецъ бувъ ище незгірший панъ, ато есть такі, що...

И замолчалъ.

Когда я спросилъ, какъ пройти домой, онъ сказалъ, что Оксана выведетъ меня на дорогу, бывшую неподалеку, и велѣлъ Пріськѣ позвать сестру. Я вышелъ изъ двора и ждалъ Оксану за воротами. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла.

Взглянувъ на мою проводницу, я былъ пораженъ: Оксана была рѣдкая красавица. Сильный загаръ на смугломъ лицѣ придавалъ ей чернымъ глазамъ блескъ и силу необыкновенную. Она стояла потупившись, смущенная нѣсколько присутствіемъ посторонняго лица, да къ тому же еще и паничѣвскаго; но когда, по временамъ, она бойко вскидывала на меня свои глаза, я не могъ удержаться отъ волненія: столько было въ нихъ жгучей страсти. Чего бы не дали барыни и барышни за такіе глаза и за умѣнье такъ просто и естественно владѣть ими! А между-тѣмъ Оксана и не подозрѣвала въ себѣ этой силы и прелести, взглядъ ея не былъ плодомъ долгихъ и трудныхъ упражненій, искусство не изощряло его: одна природа, или, пожалуй, игра случая, такъ распорядилась, потративъ на эти чудные зрачки огромное богатство. Костюмъ Оксаны, оторванной отъ работы на огородѣ, тоже былъ не изыскавъ: заношенную рубаху обхватывала темная запаска, подвязанная на талии поясомъ, да на густыхъ каштановыхъ волосахъ надѣтъ былъ небольшой узко-сложенный ситцевый платокъ; прибавьте къ этому два цвѣтка красного маку — вотъ и весь нарядъ. Стройная, гибкая, съ здоровою античною грудью, — Оксана была невообразимо хороша; полнѣйшее отсутствіе сознанія своей красоты придавало ей прелесть самой природы, въ лучшую ея минуту.

— Тѣ проведѣшь менѣ? спросилъ я, когда миновало мгновеніе удивленія.

— Я, тихо отвѣчала она.

Мы пошли. Оксана шла долго позади меня, и если я отставалъ,

чтобъ поровняться съ нею, она тоже сдерживала походку. Дѣлалось ли это изъ уваженія къ моей особѣ, или въ видахъ предупрежденія какой-нибудь нескромной выходки съ моей стороны, — я не знаю. Но какъ бы то ни было, это очень огорчало меня: мнѣ сильно хотѣлось заговорить съ нею. Я въ первый разъ былъ съ глазу на глазъ съ простою деревенскою дівчиною, и мнѣ крайне любопытно было узнать ея мысли, складъ рѣчи, понятій и т. п. Эта новизна казалась завлекательнѣе самой красоты, а тутъ-то я и не зналъ, — какъ приступить къ бесѣдѣ. Наконецъ, собравшись съ духомъ, рѣшился заговорить о соловѣѣ, хотя и чувствовалъ, что это будетъ несовѣтъ кетати, — не то, что нужно. Такъ оно и вышло: на замѣчаніе мое о соловьиномъ искусствѣ въ пѣніи, Оксана съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, находя, вѣроятно, мое замѣчаніе глупымъ, и едва отвѣчала, что ихъ тутъ бездна и что они всегда такъ поютъ.

— Не то! подумалъ я. — Що ти робила на городі? перемѣнилъ я вопросъ.

Тутъ она уже посмотрѣла на меня еще съ бѣльшимъ недоумѣніемъ, широко раскрывъ глаза, — точно я спросилъ, идемъ мы лѣсомъ, или плывемъ по водѣ?

— Полола, — отвѣчала она однако, немного погодя.

— Опять негодится! подумалъ я, прибирая, между-тѣмъ, приличный вопросъ.

— А часто ти на роботі? заговорилъ я, немного погодя.

— Да що-дня, отвѣчала Оксана, громко разсмѣявшись.

— А, чортъ-возьми! чуть я не вскрикнулъ.

Оксана снова засмѣялась.

— Чого ти смієся? — спросилъ я, поровнявшись въ этотъ разъ съ нею, и подойдя какъ-можно ближе.

— Да чого жъ ви питаєте, чи я часто на роботі? Якъ же у насъ не робіть по бѣдняхъ? — Ми не пані, — прибавила она потомъ.

— И не скѣшно... чи тее... не вѣжно тобі? поправился я поскорѣй.

— А хочъ и вѣжно?... не сидіть же, склавши рѣки. На тѣ діло, щобъ робіть. Хто жъ бѣде за мене робіть? Ми наймичокъ не дѣржимо.

— А краще, однакъ, співать да съ парубками гулять, — лукаво замѣтилъ я.

— На те е неділя да празники, возразила Оксана, слегка улыбувшись. — А парубки хбѣ гуляють? вони тожъ день-у-день на роботі...

— Ти, однакъ, любишъ гулять съ парубками?
 — Чому й ні?! Съ кимъ же дівчатамъ и гулять, якъ не зъ хлопцями? отвѣчала она уже довольно бойко, начиная, по-видимому, освоюваться со мной.

— А багато у васъ на селі хлопцівъ?
 — Да чимало... на всіхъ стане!
 — А котрій же кращий?
 — Котрій?.. переспросила она, какъ бы обдумывая отвѣтъ. — Да всі гарні... якъ кому.

— А тобі жъ хто кращий?
 — А хто жъ? мій мині й кращий.
 — Якъ же ёго звать?
 — Степаномъ.
 — Вільний, чи панський? спросилъ я.
 — Авжежъ вільний, съ гордостю отвѣчала Оксана. — На що мині панський? я сама вільна, такъ вільного й знаю. Да у насъ у селі нема панськихъ: все козаки.

— Що жъ? любишъ ти Степана?
 — А вамъ на що знать? про те я знаю.
 — Вінъ думає взять тебе за себе?
 — А хто ёго знає? Ми объ сімъ не питаємось. Спершу злюбиться треба, а тамъ вже — що Богъ дасть....

— Ну, а якъ Степанъ да оженицца съ другою, а тебе покине?
 — Хто? Степанъ? съ недоумѣніемъ спросила она; но потомъ спокойно прибавила: — Пехай женицца... що мині?.. ми ще не злюбилися, вінъ не зав'язаний.

Мнѣ, однако, удалось подмѣтити во взглядѣ Оксаны что-то похожее на гнѣвъ.

— Да у насъ такъ не водитця, продолжала она: — се не москаль! А москалі-такі уміють обдурювать дівчатъ, замѣтила Оксана, какъ-бы про себя. — Ні, Степанъ такъ не зробить, рѣшительно казала она, нѣсколько разгорячившись и позабывъ, что минутою назадъ легко соглашалась на такой исходъ своей любви.

— Паничу, паничу! вдругъ вскрикнула она, схвативъ меня за руку и указывая пальцемъ на дерево: — стріляйте.

Я выстрѣлилъ по тетереву и далъ промахъ. Оксана, съ видимымъ сожалѣніемъ, слѣдила за отлетающей птицей, держась за полу моего сюртука.

— Шкод! наконецъ сказала она. — Мій братікъ лучче стріляє: якъ шаране въ стадо утій, такъ разомъ кількоро їх и вб'є.

По я забуль уже о неудачномъ выстрѣлѣ, и всей силой зрѣнія внился въ молодую дівушку. Раздосадованная моимъ промахомъ и находясь еще подъ вліяннємъ прежняго розговора, вся она была необыкновенно воодушевлена: щоки ея покраснѣлись, тонкія ноздри медленно раздувались, губы раскрылись, грудь подымалась... Я едва удержался, щобъ не поцѣловать Оксану, и не могъ не выразить своего восторга словами: »яка ти гърна, Оксано!»

— Лучче бъ стріляли якъ слідъ, а не на мене дивитьця, спокійно замѣтила она.

— Оксано, ти вмієшь співати? спросилъ я.

— Ищѣ бъ то... авжежъ умію.

— Заспівай що-небудь.

— На що? хибѣ теперъ вечір? у насъ співвають тільки по вечорахъ або зимою, за пріажею, а теперъ я не стану співать.

И не стала — какъ я ни просилъ. Вскорѣ мы вышли на *биту* дорогу.

— Ну, теперъ я піду до-дому, а ви все прімо, все прімо йдїть: тутъ одна доріга. Прощавайте!

— Прощай, Оксано! съ невольнымъ вздохомъ отвѣчалъ я: мнѣ жаль было расставаться съ нею. — Кланяйся своєму дідові и сестрі.. да ще ось-що: дозволь тебѣ поцѣлувать...

Оксана громко-громко захохотала и отеторонилась.

— Отъ ищѣ відумали! Зъ якого дїва я цілуватимусь изъ вами? у насъ сѣго не водитця: ми не пані.

— Да я нічого... я тільки такъ... бормоталъ я, совершенно растерявшись, самъ не знаю — отчего.

— Да годі, годі! говорила Оксана, все смѣясь. Прощавайте, йдїть собі.

— Будь ласко, позволь поцѣлувать, приставаля я.

Долго Оксана смѣялась... наконецъ позволила: надоѣло, вѣрно, слушать мои моленья.

— Ну, чогó такъ пристаєли? ну, цілуйте...

Я поцѣловаль ее въ лобъ. Она слегка провела пальцемъ по лбу и посмотрѣла на меня: кажется, ее удивило, что я выбралъ лобъ для поцѣлуя.

— Що, вдовольнились? спросила она насмѣшливо.

Мнѣ хотѣлось подарить ей что-нибудь на память, но, кромѣ денегъ, со мной ничего больше не было. А денегъ я дать не рѣшался: я боялся, чтобъ Оксана не подумала, что я хочу подкупать ее. Я снялъ съ шеи легенькій синій фуляръ и отдалъ ей. Она поблагодарила, сказала еще разъ — прощайте, и скрылась за деревьями. Я отправился своей дорогой.

Б А — П А.

ТАЛАНТЪ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ одной изъ малорусскихъ губерній есть село Панкі, К-го уѣзда, — село большое-пребольшое: душъ до восьмисотъ въ немъ. Есть тутъ крестьяне, и козаки, и мѣщане; а ужъ пановъ — сила-силенная: я собственнымъ языкомъ насчиталъ тридцать-восемь помѣщичьихъ усадебъ. Тутъ и полковники, и порутчики, каштаны, регистраторы и совѣтники, а больше всего такъ себѣ — паны.

Но не въ томъ дѣло. Пановъ много; мужики здѣшніе говорятъ: «у насъ панівъ, якъ грибівъ!» да не объ нихъ хочу рѣчь вести. Разсказывали про нихъ много и былей и небылицъ. Да еще и разсердятся, пожалуй. А знаете ли вы, что значить разсердить пановъ?... Боже васъ сохрани! — ни откреститься, ни отомолиться. Боюсь я ихъ, боюсь...

Лучше я расскажу про одного козака, это, знаете, не опасно: въ амбицію онъ не войдетъ, да и все же не панъ, а козакъ. Хотя мнѣ и самому случалось слышать перепалки между паномъ и козакомъ: «ты, говоритъ, будь себѣ панъ, а меня не тронь, — потому я вольный козакъ!» (вонъ оно что!); ну, да я не боюсь перепалки: козакъ мнѣ пріятель.

Лѣтъ почитай тридцать будетъ тому назадъ — жилъ въ Панчаряхъ пономарь Яковъ Оедоровичъ Човникъ. Человѣкъ онъ былъ добролюбивый, не пьющій. Онъ пилъ горілку, да не такъ, какъ другіе. Выпьеть онъ и чарку, и другую и третью, да не напьется до безобразія, какъ говорятъ, до положенія ризъ. Да и не любилъ же Яковъ Оедоровичъ пьянаго люду!... бывало, если увидитъ — отвернется, плюнетъ, да и поидетъ прочь.

Жилъ тотъ пономарь мирно и честно, людей не обижалъ, да и самъ въ обиду не давался, — вольный козакъ. Въ церкви, какъ ходитъ это съ колокольчикомъ, такой смирный, тише воды, ниже травы; а на улицѣ —

другой человекъ: и идетъ-то плавно, и говорить съ повагомъ, и лишняго ничего не сдѣлаетъ... Шапка на немъ сивая, тулупъ изъ решетиловскихъ смушковъ — любо поглядѣть на него.

Жилъ эдакъ онъ на бѣломъ свѣтѣ лѣтъ тридцать-пять одинокимъ; жениться — не женился. Бывало, нашъ отецъ Василій и говоритъ ему: »что, Яковъ, не женишься? женись, — славно службу отправлю!« — »Добре, батюшка, женюсь«, скажетъ бывало. Подумалъ, подумалъ, да и женился.

Жила въ нашемъ селѣ одна вдова-козачка, не молодая ужъ была женщина — лѣтъ, чай, за тридцать. Дѣтей у ней не было; жила эта вдова честно по смерти мужа почитай лѣтъ десять. Достатку у ней особеннаго не было: домишко вотъ-вотъ повалится, а поправить некому; коровенка была, овечекъ пары двѣ, да свинокъ двѣ-три... Да одна душа не бѣдна. То ленкомъ промышляла вдова, то табакъ наймется садить къ какому пану, то бубличковъ испечетъ, да и продаетъ въ храмовой праздникъ, либо такъ въ воскресенье возлѣ церкви, — такъ и перебивалась.

Вотъ на этой-то вдовѣ и женился нашъ пономарь; хотя и не пара она ему была, — почитай ровесница, ну, да это его дѣло. Сыграли свадьбу, да и зажили помаленьку: пономарь ходитъ въ церковь по праздникамъ да учитъ грамотѣ ребятишекъ; пономарша печетъ бублики, да мычетъ кушечки. Жили они мирно да любо годковъ семь, — и дѣтками Господь благословилъ: было у нихъ два сына — Ваня да Оеда, а больше и не было.

Вотъ и случился разъ казусъ какой. Было воскресенье. Людей на базарѣ собралось много: наѣхали боровики съ тесомъ, жиловки съ разнымъ крамомъ, чоботари и прочее такое. Ну, извѣстно, въ деревнѣ всякій пойдетъ на базаръ; тотъ купитъ, тотъ продатъ, а другой такъ — людей посмотреть. И пономарша тутъ же бублики продаетъ, тутъ и другія бублешницы. Вотъ и подошелъ къ ней панъ, дородный такой, съ звѣздочкой, — смотреть бублики, щупаетъ. Пономарша хвалитъ да увивается: »возмѣть, паночку, — гѣрні, якъ медъ!« Тутъ другая торговка и давай къ себѣ оттягивать пана (извѣстно — торговка, хоть и не городская, а всѣ торговка): »та у мене кращі, та ще теплі, та у мене зъ макомъ!« Панъ къ ней, — купилъ, да и пошелъ своей дорогой. Ну, пономарша ничего, смолчала; а торговка, бой-баба, и давай смѣяться надъ нею. Слово за слово, и пошла писать, — такъ и обсыпаютъ одна другую какъ горохомъ. Кричали, кричали, — дѣло дошло до того, что торговка и намекни пономаршѣ на какого-то кушца, который ночевалъ у ней, когда она была вдовою, — вѣдь до драки дошло! Бѣда съ этими бабами!..

Какъ узналъ пономарь про это происшествіе, такъ и опустился совсѣмъ. Началъ пить, посядѣлъ года въ два, а тамъ отецъ Василій изъ должности выгналъ. Пилъ, пилъ Яковъ Оедоровичъ, да и душу Богу отдалъ, не будь помянуть лихомъ. Осталась опять пономарша вдовою, да не такъ ей было жить, какъ прежде: худобку покойный мужъ вогналъ всю въ шинокъ, а тутъ ребятишки подросли, ѣсть просятъ, а самимъ работать не подъ силу. Да и зелье такое вышли эти хлопці, одно слово — озорники. Еще меньшей сынъ Оедя — такъ-сякъ, а ужъ Ванька — упаси Господи! Козы не пропуститъ. Наплазались отъ него бублешницы, да и жидовкамъ доставалось.

Крѣпко стиснуло горе бѣдную вдову. Господь милостивъ — не оставилъ, — перебивалась кое-какъ. Ребятишки сокрушали ее. Жаль было ее и прихожанамъ, а тамъ и рукой махнули, — головорѣзы такіе, что бѣда. Хотѣла вдова отдать куда, да никто не беретъ, — не хотятъ взять обузы на свою шею.

Жилъ у насъ въ селѣ портной старичекъ. Человѣкъ одинокій; былъ онъ прежде крѣпостной, служилъ въ полку съ своимъ паномъ, а тамъ и откупился. Петръ Кравчукъ прозывался. Вотъ и вспомнилъ Петръ Кравчукъ пономаря. Вспомнилъ, какъ покойникъ и откупиться ему помогъ, и панамъ словечко замолвилъ, — да и задумалъ взять къ себѣ меньшого сына покойника, Оедю. Рѣшено — сдѣлано. Оедю отвела мать къ Кравчуку. Онъ было и бѣжалъ разъ: жутко показалось сидѣть на одномъ мѣстѣ, да мать, извѣстно, посякла, острастку дала — ну, и привыкъ. Остался со вдовою одинъ Ивась: никого не нашлось на его забубенную голову.

Мимо нашего села проходить большая дорога, и станція почтовая тутъ же съ полверсты. Шляхъ этотъ теперь не существуетъ, также какъ и станція. Съ открытіемъ шоссе почтовая ѣзда прекратилась, посадки порубили, дорога поросла травою; только посерединѣ едва-едва пробивается легкій слѣдокъ, утертый колесомъ поселяннина. Почтовые колокольчики замолкли, къ прискорбію пановъ. Иногда, правда, заливается звонокъ становаго или исправника, но онъ звенитъ совсѣмъ иначе, какъ объяснилъ мнѣ одинъ острякъ. Онъ говоритъ, что въ звонѣ почтового кококольчика слышны слова: далѣй, далѣй, а колокольчикъ властей будто-бы такъ и звенитъ: дай, дай, дай...

Итакъ, ужъ нѣтъ того, что было; а былъ возлѣ почтовой станціи постоялый дворъ одного пана, который отдавался въ наймы русскому дворнику, отъявленному мошеннику — Игнату Пафутьеву Шех-

раеву. У этого-то дворника и находилъ себѣ пристанище Иванъ Паламаренко.

Много лѣтъ спустя, пришелъ въ наше село батальонъаго пѣхотнаго полка. Солдаты, гдѣ-нибудь въ глуши, сущіе хозяева. Недаромъ ихъ такъ побаиваются и избѣгаютъ Малоруссы. «Не приходитца москалі дядькомъ звати!» говорятъ они. Все видятъ, все знаютъ усатые чолвіки, дядьки и батьки, да ничего не подѣлаешь! Да и что взять съ москаля? «Що зъ ёго візьмешъ?» говорятъ они. И они говорятъ правду. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ мужичекъ солдату? Пожалуется начальнику?—Начальника трудно уловить: онъ по гостямъ, тамъ интрижки, балы съ шикомъ и гикомъ и прочее такое. Правда, иногда плохо приходится москалику, пойманному на «гарічному вчінку», да ему не привыкать-стать.

Зашумѣли паны, зашумѣла и молодежь козацкая. Все были рады. Передъ ней сейчасъ же мелькнули залихватскія пѣсенки, попойки, небывалыя балы... А нужно сознаться, къ сожалѣнію, что малорусская молодежь ужасно падка до солдатчины. Рѣдко мнѣ случалось встрѣчать настоящаго Малорусса изъ молодежи, за то какъ ярка эта встрѣча! При видѣ такого человѣка, — такъ вотъ и рвется душа, такъ и хочется пѣть и рубиться!

Случалось вамъ бывать въ Малороссіи? Если нѣтъ — ѣдмете. Вотъ мы подѣзжаемъ къ селу вечеромъ въ лѣтнюю пору; еще издали слышенъ смѣшанный гулъ голосовъ, — онъ такъ и стоитъ столбомъ въ вечернемъ воздухѣ, будто видишь его. Вотъ ближе, ближе, и вы ясно слышите звуки русской пѣсни, что-нибудь въ родѣ — «молодка, молодка!» Но все это перемѣшано, перековеркано — словно гречка съ капустою! Это поютъ парубки — дико, несвязно! Не слушается голосъ, не въ его натурѣ, — на это нужно руссійское горло. Смутно у васъ на душѣ.... Утѣштесь.... слышите? Вотъ другіе звуки, родные, стройные, какъ ихъ повелительницы; это пѣсня дѣвчатъ, — родная пѣсня! (солдатчина не обуяла ихъ, хоть и онѣ заглядываются на браваго солдатика) и родное эхо звонко откликается роднымъ звукамъ.

Вдова покойнаго пономаря жила, да горевала. Иванъ хоть и не занимался исключительно одной работой, однако то тѣмъ, то другимъ помогалъ матери. Природа щедро одарила его и дородностью, и умомъ, и талантами. Днемъ онъ — то то, то сѣ сдѣлаетъ, а пришелъ вечеръ — его дѣло: балалайку въ руки и пошелъ улицей. Малорусская молодежь падка къ танцамъ; тутъ, не то что балалайка, а просто, случается, со-

берется на улицѣ кружекъ, вотъ одинъ и задирликаетъ языкомъ (лучше не придумаю слова): смотришь — одинъ взялся въ боки, поправилъ шапку, за нимъ другой, да и начнутъ валять тропака, только подковки звенятъ, — веселый народъ!

Не дуракъ былъ Иванъ, зналъ за что хватиться, и трудъ его щедро вознаграждался. Да онъ и умѣлъ взять свое: бывало, разохотитъ да и тпру! Молъ, будетъ съ васъ. Куда тутъ будетъ! вотъ и сыплются гроші. Да зато и игралъ же Иванъ! Ухъ, какъ игралъ! — «мертвый затанцѣе», какъ выражалась его публика. Было много способовъ у Ивана зашибить деньгу, но самый главный — это охота. Човникъ былъ страстный охотникъ. Трудность добыванія пороку и гибель дичи, сдѣлали изъ него хорошаго стрѣлка. По смерти покойнаго пономаря, его отца, осталось старое кремневое ружье. Покойникъ любилъ подсидѣть зайчика на снопокъ. Иванъ берегъ это ружье пуще глазу, онъ даже разговаривалъ съ нимъ, — безъ шутокъ. Бывало — ни свѣтъ, ни заря, — Иванъ на болотѣ; а ужъ убить — убьетъ! Полъ-версты будетъ на животѣ подкрадываться подъ какую-нибудь утку, и убьетъ-таки, безъ дичи домой не придетъ; и самъ сытъ и заработаетъ. Пановъ много; тому пощесеть, другому... тотъ гривенникъ дастъ, тотъ порошку зарядовъ десятокъ, а иногда и полтинникъ перепадетъ, кто пощедрѣе. Такъ перебивался Иванъ до вступленія войска; пришелъ баталіонъ, принесъ онъ много доходу Човнику.

Ивану минуло дватцать-семь лѣтъ. Не смотря на молодость и прежнія проказы, не смотря на то, что Иванъ былъ холостъ, его всѣ какъ-то уважали. Никто бывало иначе не назоветъ его, какъ Иванъ Яковлевичъ. Не потому, что онъ былъ сынъ пономаря, не потому, что ходилъ въ нанковомъ сюртукѣ, а не въ свиткѣ; никто не осуждалъ его, всѣ знали, что онъ помогаетъ матери, не пьетъ. И паны любили его, а объ охотникахъ и говорить нечего, — они иначе не называли его, какъ змѣемъ. Украсть-ли гдѣ гончую, выхолить щенка, потаскать лягавого, выпробовать ружье, повесть на охоту — все Иванъ. Да и на всѣ руки онъ: придетъ къ кому изъ пановъ, — посадятъ его и чаю дадутъ, а ужъ услужить — услужитъ: пощекатурить надо — пощекатурить; и ножку къ столу приклеить, и замокъ починить, и чего-чего не сдѣлаетъ Иванъ! Ужъ Господь его знаетъ, гдѣ онъ всему этому выучиться успѣлъ.

Вошли войска. Солдаты — народъ гулячій, и Иванъ живо сошелся съ ними. Гдѣ ихъ кружекъ, Човникъ непременно тамъ съ балалайкою. Вскорѣ балалайку замѣнила гармоника. Иванъ игралъ на ней также

складно и хорошо. Солдаты вездѣ водили Ивана съ собой, поили и кормили; да скоро надѣло ему это. Захотѣлось доставать денежки полегче. Больно полюбилась ему игра въ три листа. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у Шехраева, гдѣ собирались игроки, и слѣдилъ за игрою. Жадно смотрѣлъ онъ на кучи мѣди и мелкаго серебра, которыя ставились на конъ, — и такъ легко было получить этотъ конъ! И вотъ задумалъ Иванъ думу, задумалъ крѣпко. Ему хотѣлось непременно всѣхъ обыгрывать, какъ обыгрывалъ одинъ солдатикъ, который зналъ *секретъ*. Но онъ не хотѣлъ допытываться; онъ хотѣлъ дойти самъ до этого секрета, своимъ умомъ.

Не смотря на все это, Иванъ не бросилъ охоты; онъ даже чаще занимался ею съ появленіемъ солдатъ, — пороку было въ-волю. Только въ послѣднее время Иванъ вмѣстѣ съ зарядами носилъ въ карманѣ колоду картъ. Пойдетъ онъ, настрѣляется, а тамъ и сидеть гдѣ-нибудь, да и давай перебирать карты.... И вѣдь добился толку, да еще какого! всѣхъ за поясъ заткнулъ.

Разъ подъ вечеръ Иванъ осторожно пробирался на постоянный дворъ, будто боясь, чтобъ его не замѣтили. Шелъ онъ торопливо, оглядываясь, и пробравшись въ заднія ворота, прямо прошелъ въ горницу дворника. Перекинувши пары двѣ словъ, онъ выразительно подмигнулъ хозяину и вышелъ на дворъ. Шехраевъ въ раздумьи вышелъ за нимъ. — «Дай денегъ, Игнатъ Пафнutyчъ», были первыя слова Ивана, когда онъ убѣдился, что они глазъ-на-глазъ. Эта просьба поразила дворника; онъ стоялъ нѣскольковремени, выпуча глаза, и наконецъ зихихикалъ, смотря на нетерпѣливое, комически-важное лицо Човника. «Чего смѣяться-то, Игнатъ Пафнutyчъ?» продолжалъ Иванъ; «денегъ дай, говорю, аль не разслышалъ?» — Дворникъ рассердился: «Денегъ дай!» передразнилъ онъ: «а откуда я тебѣ возьму денегъ, Иванъ Яковличъ? Да и что я за богачъ такой? Самъ, чай, знаешь, какъ перебиваюсь; копѣйка за копѣйку ребромъ не зацѣпится — пройдетъ! Да и что выдумалъ — денегъ дай! (дворникъ входилъ въ азартъ) Да что я тебѣ, казна что-ли-ча? Прости, Господи! Коли затѣмъ пришелъ, — проваливай съ Богомъ, Иванъ Яковлевичъ, проваливай!» Дворникъ отвернулся. — «Что жъ, и пойду», сказалъ съ полудосадой Иванъ, «и пойду, да пожалѣешь, Игнатъ Пафнutyчъ! Помани мое слово, пожалѣешь. Ты думаешь, что? Дай десять пѣлковыхъ, вотъ тебѣ крестъ — завтра пятнадцать отдамъ.» Дворникъ качалъ головой. — «Ну, прощай!» и Иванъ поплелся къ деревнѣ, тихо, нерѣшительно, будто ожидая, что вотъ Игнатъ

Пафнутычъ опомнится и воротить его. И онъ не ошибся. Не успѣлъ Иванъ отойти добрыхъ пятидесяти шаговъ, Шехраевъ воротилъ его и началъ разспрашивать, на что ему деньги. Иванъ отвѣчалъ уклончиво — пужно, моль. Долго толковали, долго жался дворникъ, наконецъ рѣшился: Иванъ долженъ былъ принести ружье и пять лисьихъ шкуръ въ залогъ, за что и получилъ десять цѣлковыхъ.

Былъ совсѣмъ вечеръ. Приемная Шехраева наполнилась солдатами, которые, попивая водочку, играли въ три-листа. Иванъ принесъ закладныя вещи. Дворникъ осмотрѣлъ ихъ тщательно: взводилъ нѣсколько разъ курокъ ружья, желая увѣриться, не испорчено ли оно, долго перевертывалъ лисьи шкуры, то щупая выдѣлку, то пробуя волосъ, — все оказалось исправно. Игнатъ Пафнутычъ выпулъ десять цѣлковыхъ и подаль Ивану, предупредивъ его, что если не отдастъ завтра денегъ, то вещи пропадутъ, что уговоръ дороже всего.... Шехраевъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на отличныя лисьи шкуры, выдѣланныя чисто, вытянутыя съ искусствомъ.

«Теперь слушай, Игнатъ Пафнутычъ», сказалъ Иванъ. «Ты, понимаешь, молчи; послѣ разекажу, увидишь. Да вотъ что: какъ попрошу водки, — подай кварту, либо двѣ, — не жалѣй — заплачу; да, понимаешь, имъ-то (Иванъ мигнулъ) водочки, а мнѣ-то гусиной, — понимаешь?»... и Иванъ пошелъ къ солдатикамъ въ сборную.

Человѣкъ восемь солдатъ сидѣло въ шинеляхъ на-распашку вѣкругъ стола. Они всѣ были выпивши, громко разговаривали, прикрашивая рѣчь крѣпкимъ словомъ; мѣдныя деньги позвякивали по столу, раздавалось хлопанье картъ. Ивана замѣтили и на минуту прекратили игру. Начались разспросы, — гдѣ пропадалъ, что такъ долго не былъ. — «Э, да онъ никакъ подкуражился!» сказалъ одинъ солдатикъ-шулеръ. «Ну, братъ Иванъ, молодецъ! насилу раскусилъ дѣло!» Иванъ ловко притворился выпившимъ и разекавалъ солдатикамъ какую-то небывалую исторію, какое-то будто-бы горе, — вишь, дескать, съ горя напился, да и сѣлъ къ сторонкѣ, задумался. Солдаты, предполагая, что Иванъ пьянъ, пристаили, чтобъ игралъ въ карты. Долго отиѣкивался Човникъ, наконецъ махнулъ рукой и сѣлъ по три копѣйки ставка. Солдаты обрадовались находкѣ, а шулерокъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ трехъ копѣекъ: не стоило. Началась игра. Проигралъ Иванъ четвертакъ, проигралъ другой и третій, горячась больше и больше и раззадоривая игроковъ — да и унекъ ихъ разомъ. Была его сдача. Иванъ роздалъ карты. Первый по немъ пошелъ четвертакъ; второй мирилъ и пять цѣлко-

выхъ, третій отсталъ; Иванъ мирилъ и еще два рубли. Мирили. У всѣхъ оказались хлюсты—у Ивана старшій. Повѣсили носы солдатики, а Иванъ какъ-будто ничего и не было—взялъ денежки. «Эхъ, горько, горько!» сказалъ Иванъ. Это былъ условный знакъ, — дворникъ принесъ водки и началъ подбивать, не забывая правоученій Ивана. «Что жъ, играть, такъ играть! Давай, Петръ Ивановичъ»... сказалъ Човникъ, обращаясь къ шулеру-солдатику и притворившись совѣмъ пьянымъ. — «А покажи, братъ, есть ли деньги? Я меньше полтины—ни, ни!» — «Полтина, такъ полтина, деньги есть», и Иванъ кинулъ красненькую. Солдатыкъ загорѣлся. «Ну, давай! ну, изволь; давай, братъ, давай», повторялъ онъ. Усѣлись играть въ-троемъ: дворникъ, Иванъ да шулеръ; солдаты прочіе, безъ гроша, смотрѣли.

Долго тянулася игра, — перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ Иванъ ловко подмѣнилъ карты и сдалъ, — никто этого не замѣтилъ. Дворникъ пошелъ, шулеръ десять рублей, Иванъ мирилъ и еще десять подъ дворника и между тѣмъ толкнулъ его подъ столомъ ногою, — Шехраевъ бросилъ карты въ колоду. «Десять и двадцать!» крикнулъ шулеръ. — Иванъ мирилъ и еще пять. Шулеръ удивился. Онъ придвинулъ свѣчу, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ подъ столомъ карты — «мирилъ», сказалъ онъ. «Да положи, братъ, деньги на конъ.» Иванъ мигнулъ дворнику, — тотъ подалъ три красненькихъ. «Тридцать-два козырей!» провозгласилъ солдатыкъ, загребая деньги. «Три туза старше», возразилъ Иванъ, показывая карты, — и потащилъ деньги. Шулеръ ошалѣлъ. — «Стой!» завопилъ онъ, «тузы должно изъ другой колоды! обыскать!» Искали, искали, ничего не нашли. А Иванъ взялъ денежки, да и пошелъ, оставивъ въ недоумѣніи всѣхъ, не исключая и дворника. — Ай да Иванъ Яковлевичъ! не даромъ двѣ недѣли носился съ колодою. Такъ порѣшилъ Иванъ съ солдатами. Они не перестали удивляться ему, но играть съ ними не хотѣли. Нужно было подумать, куда кинуться. Иванъ рѣшилъ это живо.

Въ селѣ нашемъ, въ числѣ тридцати-осьми помѣщиковъ былъ нѣкто Дмитрій Александровичъ Глекъ, человекъ небѣдный, но обиженный природою: немного нѣмъ, немного глухъ, немного близорукъ, но при всемъ этомъ — добрѣйшая душа, хотя въ дѣлахъ житейскихъ ужасно наивный, или лучше сказать, непонимающій почти ни бельмеса. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ глупъ, — нѣтъ! Но покажите ему что-нибудь такое, чего онъ еще не видалъ, — онъ готовъ отдать все. Иванъ зналъ это и не рѣдко грѣлъ руки около Дмитрія Александровича. И теперь,

когда ему былъ нуженъ человѣкъ, который свелъ бы его съ юнкерами, — жребій прямо палъ на Глека.

Дмитрія Александровича все называли *пѣмцемъ* (пѣмымъ); онъ былъ лѣтъ тридцати пяти, человѣкъ холостой, хлѣбосоль. Военные не выходили отъ него. Къ Дмитрію Александровичу можно было придти во всякое время выпить и закусить, поиграть въ карты и прочее такое. Военные любятъ это, тѣмъ болѣе, что съ паномъ Глекомъ нечего было церемониться. Вы сегодня у него и завтра, и, пожалуй, каждый день, и онъ всегда радъ вамъ. Если вамъ надоѣстъ говорить съ нимъ по-пѣмски, можете дѣлать, что вамъ угодно: ходить, свистѣть, пѣть, плясать, — а онъ себя поидетъ въ другую комнату, да сядетъ читать молитвенникъ, свою единственную книгу; а то пожалуй и попляшетъ съ вами. Однимъ словомъ, изъ Глека могъ сдѣлать всякій, что угодно, да онъ же еще и благодаритъ. Вы у него обѣдаете, онъ послѣ обѣда пожметъ вамъ руку и непременно скажетъ: *покоо бадарю!* (покорно благодарю). Возьмете у него лошадей — *покоо бадарю*, — такая ужъ у него привычка. А если спросите: да за что вы благодарите? — онъ улыбнется и еще сильнѣй пожметъ вашу руку.

Дмитрій Александровичъ носитъ бороду, длинные сапоги, пальто особаго покроя изъ толстаго сукна и непременно шапку съ краснымъ околышемъ. (Онъ хоть нигдѣ не служилъ, но это его страсть). Гдѣ бы вы ни увидали Глека, — на обѣдѣ, на вечерѣ, — вездѣ онъ въ этомъ костюмѣ; вездѣ бывалъ Глекъ, все его любили, все надъ нимъ трунили, но осторожно: онъ не любилъ стѣснять себя, — пожалуй такого жару задастъ, что ну!

Иванъ зналъ, что къ дѣлу нельзя было приступить какъ-нибудь. Прежде всего нужно было прилично одѣться. Човникъ отправился въ городъ и сдѣлалъ себѣ черную пару платья, успѣвъ мимоходомъ обыграть тамъ кого-то. Потомъ одного прекраснаго утра, облачившись въ обнову, отправился къ Дмитрію Александровичу, не забывъ захватить пару дичи, денегенокъ да три наперстка.

Когда Иванъ вошелъ къ Дмитрію Александровичу, Глекъ пилъ чай. Поблагодаривши за дичь, онъ спросилъ, откуда Иванъ взялъ платье? «Выгралъ», отвѣчалъ Иванъ. — «Какъ?» Човникъ досталъ изъ кармана три наперстка и таинственно показалъ ихъ Дмитрію Александровичу. Глекъ выпучилъ глаза. Иванъ поставилъ рядомъ наперстки и подъ крайній положилъ горошину. «Смотрите», сказалъ онъ, подымая наперстки одинъ за другимъ и ставя опять, смотрите: «вотъ нѣту, вотъ нѣту, вотъ есть!»

Кто узнаёт — выиграёт, кто не узнаёт — проиграёт! Подъ какимъ горошина, угадайте!« Дмитрій Александровичъ поднялъ крайній наперстокъ, — но увь! горошина улетѣла! — »Вотъ она«, сказалъ Иванъ, поднимая средній наперстокъ. Глекъ окончательно сбился съ толку. Иванъ повторилъ нѣсколько разъ, и горошина путешествовала, приводя Глека всё въ большее недоумѣнiе. Нужно знать, что Дмитрій Александровичъ ужасно любилъ деньги. Онъ началъ просить Ивана открыть секретъ, думая, что заграбить золотыя горы, — напрасно! Иванъ уперся: онъ сказалъ, что если покажетъ теперь, то самъ забудетъ; что нельзя ни за что, но что послѣ онъ откроетъ секретъ, потому, молъ, вы добрый человѣкъ, помѣщикъ. Кончено! Дмитрій Александровичъ растаялъ — стоило похвалить его. — »Давайте играть въ дурачки«, сказалъ Иванъ, посидѣвши. »Кто останется — цѣлковый.« Глекъ согласился и выигралъ три рубли. Иванъ отправился домой, сопровождаемый Дмитриемъ Александровичемъ до дверей; онъ просилъ Ивана приходить почаще играть съ офицерами. Визитъ не пропалъ даромъ. Черезъ нѣсколько дней Човникъ перебрался на житье къ Дмитрію Александровичу: наперстки сдѣлали свое дѣло.

Иванъ зажилъ бариномъ у Дмитрія Александровича: онъ вставалъ въ десять часовъ, пилъ съ нимъ чай, проводилъ цѣлые дни, плетя разныя занимательныя исторіи. А ужъ нахохочется бывало Иванъ на сторонѣ надъ Глекомъ. Животы надорвешь, какъ представлять начнеть: и говорить-то точно такъ, и смотреть, и руками дѣйствуетъ — вылитый Дмитрій Александровичъ, а въ глаза зато — какъ медомъ мажетъ. Да что толковать? Иванъ ко всякому въ рукавъ влѣзетъ!

Ходятъ гости къ Глеку, всё юнкера, всё въ преферансъ играютъ, а Иванъ сидитъ тутъ же, да смотреть, а играть не играетъ. »Пустая это игра«, говаривалъ онъ, »подстрѣленного кулика не стоитъ! Одно слово — дрянъ!« Бывало просятъ его, — »нѣтъ-съ, говорить, не играю.«

Разъ собралось у Глека человѣкъ пять юнкеровъ. Три съ хозяиномъ составили пульку, а остальные слоняются по комнатамъ, — скучно. »Не угодно ли въ три-листика?« говоритъ Иванъ. »По пустяку, говорить, сидемте.« И сѣли. Иванъ проигралъ рублей до трехъ, почесалъ въ головѣ, досталъ изъ бумажника пачку ассигнацій (онъ размѣнялъ на рублевыхъ) досталъ, блеснулъ: »съ пяти-десяти«, говоритъ. Тѣ сказали, что нѣтъ. Иванъ руки подъ столъ, да и тащить изъ другого кармана ту же пачку (заманить значитъ). »ахъ«, говоритъ, »извините, забылъ! есть мелочь.« Да вѣдь такъ-то сдѣлаетъ все это, — вы голову готовы про-

закладывать, что у него двѣ толстыхъ пачки асигнацій. Ну, расплатился, юнкера ушли; тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, опять пожаловали господа юнкера, — разгорѣлись у нихъ глазки на Ивановы денежки.

«Ну, господа, что жъ, будемъ дѣлать?» — Тотъ говоритъ — на охоту, другой — въ гости куда пойдѣмъ, третій свои резоны представляетъ; одинъ Иванъ молчитъ, — смекнулъ, въ чемъ дѣло. Кончилось однако тѣмъ, что рѣшились все остаться и играть въ карты. Но во что играть? вотъ вопросъ. Господамъ юнкерамъ непремѣнно хотѣлось играть всемъ вмѣстѣ. Думали, думали — и обратились къ Ивану. «Не знаю», говоритъ. — «А, есть одна игра!» воскликнулъ одинъ: «три-листка! Да скучно», присовокупляетъ онъ. — «Дѣ, дѣйствительно скучно», возражаетъ другой. Однако рѣшаются играть въ три-листика. Ну, Иванъ, своимъ порядкомъ, и поддѣлъ ихъ. Пустыя всемъ карты у него, и онъ валитъ десять цѣлковыхъ, все и спасуютъ, а онъ усмѣхнется, да и покажетъ, — молъ вотъ съ чѣмъ шелъ. Да подъ конецъ и улопалъ; безъ гроша пустилъ господчиковъ, а одинъ и кольцо и часы оставилъ, да еще и ружье. Ну, ружье-то дома было, не отдалъ, надулъ. Дорого заплатили юнкера за свою машину, а Иванъ ничего, посмѣялся. Не однихъ юнкеровъ обыгрывалъ Иванъ, живши у Дмитрія Александровича: прѣзжали чиновники мелкіе — и тѣмъ доставалось; случалось, другой и сертучекъ оставить.

Жила въ домѣ Дмитрія Александровича кляшница Варвара, дѣвка бѣдовая, коса острая! Орудовала она всемъ домомъ. Хоть и тугонекъ былъ панъ Глекъ, не любилъ, чтобъ что у него пропадало, ну, а на Варварѣ спросу не было. Бывало, спроситъ Дмитрій Александровичъ, гдѣ вчерашнее масло, либо что другое? «Я взяла», скажетъ Варвара, — ну, и конецъ. А другой кто, — Боже упаси, бѣда!

Вотъ не поладилъ разъ Иванъ съ этой Варварой: не любилъ онъ ее. Слово-за-слово, Иванъ ее и толкнулъ. Какъ завизжитъ: «Гвалтъ, убилъ!» известно, баба.... Ну, дѣло-то вышло плохо, пришлось Ивану взять свой сундучекъ, да на старое мѣсто. А вѣдь будто предчувствовала Човникъ эту штуку: наканунѣ выжалъ у Глека цѣлковыхъ пятнадцать, да и былъ таковъ.

Вотъ и зажилъ Иванъ съ матерью; опять пошелъ вечеромъ съ гармоникой по улицѣ, на досвѣтки съ дѣвчатами. Играть было не съ кѣмъ: солдаты его боялись, юнкера не хотѣли знать, когда Дмитрій Александровичъ открылъ имъ, что такое Иванъ. Были игроки между козаками, да съ ними Иванъ не игралъ, — малый кушъ.

Но, несмотря на то, что Човникъ обыгрывалъ мошенническимъ образомъ, онъ былъ благороденъ по-своему. Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ разъ у Шехраева обыгралъ онъ пьянаго какого-то проѣзжаго офицера. Онъ выигралъ у него все, что было: лошадь съ санями и упряжью, полшубокъ, шапку, ружье, перчатки и восемнадцать рублей денегъ. Что жъ вы думали? онъ взялъ только ружье и деньги, да еще и денегъ далъ ему на дорогу пять рублей. И это не потому, что боялся Иванъ жалобы; нѣтъ, онъ никого не боялся. Становой не рѣдко получалъ отъ него выигранные перстеньки и прочее. Да что становой! всѣ были довольны Иваномъ, всѣ его знали. И такихъ случаевъ бывало у него много.

Но вотъ начали поговаривать про рекрутскій наборъ. Дошла эта вѣсточка и до пономарши, — за ея сыновьями была очередь: одному не миновать. Подумали, погадали да снарядили Ѳедора, младшаго брата Иванова.

Ѳедоръ въ эту пору давно уже вышелъ изъ учениковъ отъ старика Кравчука. Онъ ходилъ по селамъ, работы было много. Не смотря на все это, Ѳедоръ былъ голъ, какъ турецкій святой. Все, что ни зарабатывалъ онъ, оставалось въ шинкѣ: Ѳедоръ пилъ запоемъ.

Поплакала старушка, достала изъ скриньки нѣсколько скопленныхъ рублей, благословила сына и — съ Богомъ. Иванъ повезъ брата въ уѣздный городъ, сдалъ и остался, чтобъ проводить советъ Ѳедора; партія должна была выйти чрезъ нѣсколько дней. Тутъ случилось обстоятельство, которое вывернуло дѣло на изнанку. Собрали партію — выступать. Одного рекрутика и не оказалось. Искать, да искать и привели его пьянаго изъ шинка. Тутъ, разумѣется, расправа. Ѳедоръ съ братомъ стоитъ, побѣлѣлъ весь, трясется... Жалко стало его Ивану. »Что, думалъ онъ, если и Ѳедоръ подпадетъ подъ эту штуку? Вѣдь молодъ онъ, щедедушный такой, не укрѣпился путемъ! А непременно подпадетъ, потому болѣзнь — запоемъ пить.« Иванъ зналъ, что ничѣмъ не отучить брата отъ водки: не разъ билъ онъ его, билъ такъ, что самому становилось жалко, а толку не добился-таки. Подумалъ это Иванъ, да и потянулъ за партіей въ ближній городъ, гдѣ она должна была остановиться на нѣсколько дней. Какъ онъ тамъ уладилъ все, — не знаю. Знаю только, что Ѳедоръ воротился домой къ матери, а Иванъ заступилъ его мѣсто и отправился въ полкъ по назначенію.

Ужъ какъ старушка обрадовалась своему Ѳедѣ, и Боже мой! Да не долго прожила послѣ того: одно — старость-таки, а другое — горевала много, проводивши Ѳедора. Слегла пономарша, да и Богу душу отдала.

Похоронилъ Федоръ мать, продалъ избу съ огородомъ и пошелъ опять бродить по селамъ.

Простылъ и слѣдъ Човниковъ у насъ въ селѣ. Поговорили добрые люди, да и стали забывать по-немногу.

Да, видно, не нато родился Иванъ въ Панкахъ, чтобъ забыли его. Ровно чрезъ полтора года явился онъ въ свое село, явился собственною своею особою, съ полною отставкою, по случаю болѣзни. Не даромъ говорили мужички, что у Ивана «не одна мѣха сидѣть у носі!...» Покрышился Иванъ, узнавши, что хата его продана. Онъ нанялъ квартиру у Шехраева; опять зазвенѣла балалайка по улицамъ, опять Иванъ началъ загребать денежки у проѣзжихъ, да и женился наконецъ на вдовѣ, поповѣ. Взялъ онъ за ней землицы.....

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ минуло, какъ Иванъ воротился изъ солдатъ, и всё тотъ же Иванъ Човникъ. И женился, а не перемѣнился. Земли онъ самъ не обрабатываетъ, — сдаетъ; зато мастеръ на всѣ руки: столяръ, портной, печникъ, слѣсарь и сапожникъ, а ужъ музыкантъ—артистъ: онъ и на балалайкѣ, и на гитарѣ, и на скрипкѣ, и на гармоникѣ, а въ полку, слышно, на трубѣ игралъ. Охоты тоже не бросилъ Иванъ: она много приносила ему дохода, не умерла его страсть; что бы онъ ни дѣлалъ, коли погода — все бросить, за ружье и маршь! Перемѣна въ томъ, что вмѣсто кремневки, стрѣляетъ изъ двустолки, — образовался, значить.

Съ Глекомъ Иванъ опять сошелся, пристрастилъ его къ охотѣ и стрѣляетъ его порохомъ и дробью, сколько душѣ угодно.

Да вѣдь такой-то уродился, что одно дѣло не по-нутру ему: ему давай все, все сдѣлаетъ, а однимъ чѣмъ-либо заняться не можетъ, скучно ему. Ну, что бы, кажись? чего лучше? недавно одинъ богатый помѣщикъ приглашалъ его къ себѣ въ псарни, какъ опытнаго охотника. Содержаніе готовое, жалованья сто-двадцать рублей серебромъ, — вѣдь не согласился. «Я, говорить, теперь самъ себѣ панъ: что хочу, то дѣлаю; а тогда — хочешь, не хочешь — дѣлай!» Вотъ каковъ Иванъ Човникъ!

Л. М.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

24 іюля. Челіскій монастырь, Трубчевскаго ульзда.

Простясь съ трубчевскими знакомыми, я пошелъ черезъ Челіскій монастырь къ Чернигову. Большая дорога идетъ горой, но пѣшеходы ходятъ въ монастырь лугомъ, т. е. низомъ. Эта дорога очень живописна: справа крутая, отвѣсная гора, покрытая лѣсомъ, изъ котораго кое-гдѣ видѣются хаты, пастѣки, а слѣва — ровный лугъ, поросшій кустарникомъ, по которому прихотливо извивается Десна, Десенки, маленькіе ручейки...

— Какъ эта деревня? спросилъ я встрѣтившагося мужика старика, указывая на видѣвшуюся изъ лѣсу на горѣ деревню.

— А деревня Темная.

— Вольная, или господская?

— Теперь господскихъ деревень нѣтъ: Господь Богъ положилъ въ сердце царю — всѣ деревни сдѣлать вольными.

— Да сперва-то деревня Темная была вольною, или господскою? опять спросилъ я.

— Удѣльная.

— Должно-быть старая, старинная?

— Какъ міръ стоитъ, такъ и та деревня стоитъ, только сперва она не такъ называлась: не называлась Темной.

— Какъ же?

— Называлась Красной деревней.

— Почему же ее стали звать Темной?

— Ты, можетъ, слыхалъ, нашъ городъ *Трубчесскъ* (*sic*) былъ за княземъ Трубецкимъ, не за теперешними Трубецкими, а за прежнимъ,

что жилъ лѣтъ за сто, ато и еще больше, до насъ. Такъ за тѣмъ княземъ Трубецкимъ былъ и городъ Трубцесскъ и всѣ села и деревни, что подъ Трубцесскимъ стоятъ, весь *Трубцесскій* уѣздъ; стало-быть и Темная за нимъ же была. И былъ у того князя сынъ, княжичъ — большой охотникъ съ малыхъ лѣтъ за охотою, съ ружьемъ ходить, съ собаками. Пошелъ этотъ княжичъ разъ за охотою, подошелъ онъ къ этому самому мѣсту, запримѣтилъ дикую утицу, приложился изъ ружья, выстрѣлилъ... Только утица та поднялась, перелетѣла Десну и пала. Княжичъ видитъ: утица пала; раздѣлся и поплылъ на тотъ берегъ за той утицей. Поплылъ княжичъ черезъ Десну, судорга ногу что-ли свела, это случается... такъ ли ужъ Богъ далъ, только княжичъ не доплылъ до берегу, не доплылъ — утонулъ... Бросился народъ его вытаскивать, побѣжали къ старому князю... прибѣжалъ князь... вытащили княжича, а тотъ ужъ Богу душу отдалъ: какъ ни качали и на рукахъ и на бочкахъ⁽¹⁾ — откачать не могли. »Откуда бросился княжичъ въ Десну? спросилъ старый князь у народа.« — »Да вотъ изъ-подъ самой Красной деревни«, сказалъ народъ въ отвѣтъ старому князю. — »Какая такая Красная деревня?« — »А вотъ эта самая.« — »Какая она Красная! это деревня Темная!« Съ тѣхъ поръ и пошла та деревня зваться Темною деревнею а не Красной. Посмотри: кругомъ деревни Любовно, Хотьяново; все прозвища хорошія; одна только эта деревня — Темная.

Дорога шла кустарникомъ, и я, пройдя съ версту отъ Темной, наткнулся на кучу мужиковъ, лежащихъ подъ кустомъ.

— Здравствуйте, братцы!

— Здорово, почтенный!

— Семъ-ко я съ вами отдохну.

Я сѣлъ и закурилъ папиросу.

— Дай-ко мнѣ, человѣкъ почтенный, огоньку, я и себѣ сдѣлаю цигарочку, сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не хочешь ли моего табаку? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, не хочу: въ вашемъ табаку скусу такого нѣтъ, какъ въ нашемъ; нашъ будетъ скуснѣй.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана листъ печатной бумаги, оторвалъ клиномъ вершка въ три отъ него кусокъ, плотно свернулъ его трубочкой, насыпалъ въ эту цигарку табаку.

⁽¹⁾ Къ сожалѣнію, и теперь эти способы въ сильномъ употребленіи не только между простымъ народомъ, но и болѣе образованнымъ.

— Дай-ко огоньку, сказалъ онъ, кончивъ свою многосложную и довольно искусную работу.

— Изволь, любезный! Да неужели же твоя цигарка лучше моей? въ твоей цигаркѣ больше бумаги, да еще и замасленной, чѣмъ табаку.

— Бумага не мѣшаетъ, отвѣчалъ тотъ рѣшительнымъ, недозволяющимъ возраженій тономъ, — бумага-та и цигаркѣ только больше скуку придаетъ.

— Куды идешь, почтенный человѣкъ? спросилъ меня, позѣвывая и крестя ротъ, другой мужикъ.

— Развѣ не видишь? отвѣчалъ за меня первый, пошлевывая въ сторону, — развѣ не видишь? Въ Чолнскій *помастырь*: тутъ, кажись, до рога одна!

— А вы оттуда? спросилъ я, оставаясь очень доволенъ отвѣтомъ за меня.

— Яни (они) деготь гнали.

— А ты, любезный?

— А мы по своей части.

— Гдѣ же вы деготь гнали? спросилъ я, мирясь съ отвѣтомъ говоруна.

— А всё больше по господскимъ лѣсамъ, отвѣчалъ тотъ же говоруна.

— Чтó жъ, нанимаетесь?

— Нѣтъ, сами сидимъ, проговорилъ одинъ изъ работниковъ, — самимъ лучше.

— Яни отъ ведра, прибавилъ говоруна.

— Какъ отъ ведра?

— Два ведра себѣ, третье барину.

— Много же можно заработать въ годъ?

— А какъ придется.

— Да сколько же?

— И сказать того никакъ не возможно; деготь гнать — дѣло огневое, не угадаешь никакъ.

— Да прошлый годъ сколько ты заработалъ? спросилъ я неподатливаго на слова работника.

— Да прошлый годъ я себѣ рублей пятьдесятъ серебра принесъ домой.

— Прошлый годъ хорошъ былъ?

— Ничего,

— Кабы изъ своего лѣсу гнать деготь — не въ примѣръ лучше, заговорилъ опять говорунъ: — изъ своего гонишь — все твое; а изъ барскаго — третье ведро: какъ ты тамъ себѣ хочешь, а третье ведро изволь отдать барину, чей лѣсъ.

— У васъ своего лѣсу нѣтъ?

— Нѣтъ, есть.

— Отчего же вы изъ своего не гоните?

— Не даютъ.

— Отчего же?

— Да оно только слава, что нашъ, ато не нашъ; даромъ не даютъ, а всё купить надо.

— Да вы изъ какихъ?

— Мы изъ удѣльныхъ.

— Стало-быть и лѣсъ не вашъ, а принадлежитъ къ удѣльнымъ имѣнiямъ?

— Стало-быть такъ.

— Что жъ вы, хорошо живете?

— Теперь ничего.

— А прежде?

— Прежде всего бывало.

— Отчего же теперь лучше?

— Народъ сталъ обходительнѣй.

— Какой народъ?

— А начальство.

— Это правда, что правда, заговорилъ опять мой говорунъ: — сперва къ начальству, не то что подойти да поговорить, а и взглянуть-то не всякій сунется; ну, а теперь на-счетъ этого стало просто: за своей нуждой иди прямо къ начальнику: нынѣ дурного слова не скажетъ начальникъ тотъ.

— Чиновнаго народу много, проговорилъ одинъ изъ артели, до-сихъ-поръ упорно молчавшій.

— Чиновниковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, изъ своего брата, изъ мужиковъ, чиновнаго народу ужъ очень много. — —

— Вѣдь чиновники изъ мужиковъ вездѣ есть? Безъ чиновниковъ какъ же быть?

— Вездѣ есть чиновный изъ брата своего мужиковъ, да не столько,

сколько у насъ, отвѣчалъ еще угрюмѣй тотъ же мужикъ: — у насъ больше.

— Сколько же у васъ?

— Да у насъ на деревнѣ живетъ 400 душъ, то-есть всѣхъ жителей 400 человѣкъ, и сколько ты думаешь у насъ чиновнаго народу изъ мужиковъ?

— Я не знаю.

— Человѣкъ пятьдесятъ будетъ!

— Какъ 50?

— Пятьдесятъ-то будетъ вѣрныхъ, не было бы больше: ты вотъ что скажи!

— Какіе жъ такіе чиновники?

— Голову, писаря считать нечего... а вотъ: два благонамѣренныхъ, шляховой и лепартовщикъ... да всѣхъ и не пересчитаешь — —

— Что жъ они, берутъ съ васъ взятки?

— Что онъ возьметъ съ мужика? съ мужика ему взять нечего.

— Какое же вамъ дѣло до чиновнаго народу? съ васъ они ничего не берутъ: пусть ихъ живутъ...

— Да вѣдь тебѣ работать надо, а тутъ тебя выберутъ въ какіе не на есть лепортовщики, — работать и не работай, а въ пору только службу справляй.

— А все вамъ ни въ примѣръ лучше жить, чѣмъ господскимъ мужикамъ, сказалъ говорунъ.

— У какого барина?

— Да хоть у А — на.

— Э!.. А — нѣ шиломъ грѣтъ, проговорилъ тотъ, усмѣхаясь, — шиломъ грѣтъ... печетъ!..

Челнскій монастырь, 25 іюня.

Челнскій монастырь стоитъ верстахъ въ десяти отъ Трубчевска, на крутой горѣ, покрытой мѣломъ, и изъ монастыря невидно ни одной деревни: такъ и кажется, что, войдя въ этотъ монастырь, оторвешься отъ всего остального міра, — до-того мѣсто уединенно. Но это только пока вы не вошли въ монастырскую ограду. Едва вы ступили шагъ въ ограду, видите, что здѣсь тѣ же люди, тѣ же желанія, тѣ же опасенія и тотъ же самый народъ, какой и въ селахъ и въ деревняхъ; монаховъ съ пер-

ваго разу не замѣтите: по всему монастырскому двору розсыпанъ былъ народъ: мужики, раскинувшись подъ тѣнью деревъ и церквей, спали; бабы-богомолки изъ окрестныхъ деревень, собравшись кучками, шушукались; бабы-торговки громко тораторили. Я пришелъ въ субботу передъ всенощною, — поэтому народу было болѣе обыкновеннаго.

Въ говорѣ народа слышится одно: начала новой жизни, созданныя 19 февраля; въ этомъ говорѣ слышатся и радость, и надежды, и страхъ... не за будущее, нѣтъ — народъ увѣренъ въ своемъ хорошемъ будущемъ; боится народъ преступить законъ, сдѣлать не по закону и тѣмъ замедлить исполненіе царской воли. А отъ недоразумѣній — какія ужасныя бываютъ послѣдствія!..

— Гдѣ братская? спросилъ я у перваго понавшагося мнѣ монаха.

— А вотъ, отвѣчалъ монахъ, махнувъ рукой на братскую, — ступай сюда, здѣсь братская.

Въ братской было народу много, и мужчинъ и женщинъ; разговоръ шелъ довольно оживленный и почти общій: одно теперь у всѣхъ на умѣ...

— Вамъ что? говорила одна баба-богомолка: — что хочешь, то и дѣлай, не дѣлай беззаконія какого — и только... а намъ, мои матушки родныя, просто — головушку всю закрутило...

— Да вы чѣхъ? спросилъ какой-то не то монахъ, не то послушникъ.

— А...ыхъ мы, А — скіе...

— О чемъ же у васъ головы закрутило? Али жирно наѣлись на те-перешней волѣ?

— Когда было, родимый! Давно ли воля-то сказана? такъ ту же пору и отъѣхъся! Какъ можно, родимый!..

— А отчего жъ?

— Да не знаешь сама, какъ дѣло повести...

— — — Яйца барину нужно собрать съ мужиковъ да барину на дворъ и отнести.

— Ты такъ бы и сказала.

— Какъ быть? Сперва бывало повѣстятъ: собирай съ народу яйца! ну, соберутъ, да и отдадутъ, кому слѣдуетъ...

— А нынче повѣщали?

— Вотъ то-то, что нѣтъ.

— Что жъ вы?

— Да что! стали сходку собирать, да въ-тихомолку... нынче не любятъ, говорятъ, этихъ сходокъ... собрали сходку; одни говорятъ: »со-

бирай яйца, неси на барскій дворъ; не понесешь — бѣда будетъ, а другіе кричатъ: »не носи безъ приказу — бѣду наживешь!« Не разъ, да и не два сходку собирали; ну, и порѣшили на томъ: собирать яйца, нести яйца безъ повѣстки; тамъ ужъ что Богъ дастъ, тому ужъ и быть: видно, надо.

— Да чему жъ тутъ быть? спросилъ монахъ: — барину отнесешь яйца, баринъ поѣстъ тѣ яйца; вотъ только и будетъ всего, больше ничего не придумаешь.

— Какъ не только! проговорилъ одинъ мужикъ, — только и будетъ... только!..

— Да чему же еще быть?

— Скажутъ, бунтъ!

— Какой же бунтъ?

— Скажутъ, бунтъ! продолжала тотъ же мужикъ.

— Бунтъ! какъ есть! заговорила толпа. — Царская воля вышла, въ той царской волѣ, сказываютъ, написано: яицъ господамъ не носить; какъ же ты царскую волю не исполнишь?

— Ну, а какъ про барскія яйца въ царской волѣ не сказано ничего, тогда какъ?

— И то правда...

— Вотъ объ этомъ то и мы сѣмали, ⁽¹⁾ продолжала старуха, — сѣмали, сѣмали и порѣшили на томъ, что собирать барскія яйца и самимъ безъ повѣстки нести на барскій дворъ. Вотъ хорошо, собрали, снесли. А тутъ еще другое горе приключилось: присланы отъ конторы деньги, разчесть конторой велѣно по гривеннику за десятокъ...

— Подвохъ! какъ есть подвохъ! заговорили очень многіе изъ слушавшихъ и мужиковъ и бабъ: — сперва за яйца не платили, а теперь раздобрился!..

— Какой же тутъ подвохъ?

— Толкуй, подвохъ!

— Вотъ такъ-то и мужики гадали, продолжала старуха: — подвохъ ли подъ насъ подводятъ, али такъ взаправду въ царской волѣ сказано, только...

— Деньги взяли?

— Взяли, родимый.

— Ну, смотрите жъ...

(1) Смѣкали: сѣмъ сдѣлаю, сѣмъ не сдѣлаю.

- Да ужъ что Богъ дастъ!
- А что только у насъ дѣлается! сказалъ, вздохнувъ, одинъ мужикъ, сидѣвшій въ сторонѣ.
- А что?
- И сказать не знаю какъ...
- Да вы чьихъ?
- Мы ничьихъ.
- Вольные?
- Нѣтъ, удѣльные...
- А у васъ-то что?
- У насъ землемѣры землю межутъ — вотъ что!
- Да не у васъ однихъ: землемѣры вездѣ ходятъ, вездѣ, у всѣхъ землю мѣряютъ.
- Вездѣ мѣряютъ, а пока еще Богъ миловалъ: пока еще нигдѣ земли не рѣжутъ...
- Да у насъ еще пока тоже Богъ миловалъ, продолжалъ старикъ: — землю мѣрять мѣряютъ, вѣшки становятъ, а земли рѣзать не рѣжутъ!...
- А пусть ихъ мѣряютъ!
- У насъ не одну землю мѣряютъ.
- Какъ не одну землю?
- Десну мѣряютъ! проговорилъ старикъ, къ ужасу всѣхъ слушателей...
- Какъ Десну?
- Десну!
- И я видѣлъ...
- Всѣ видѣли...
- Я, братцы мои, диву дался, заговорилъ одинъ: — что такое это означаетъ? воду Богъ создалъ, вода у насъ вольная: кто хочешь, по этой водѣ ступай, бери эту воду, сколько себѣ знаешь; сколько тебѣ надо, столько и бери... и эту-то воду Божию мѣряютъ!... Своими бъ глазами не видалъ, — людямъ бы и вѣры не далъ... да и вѣрить-то какъ?
- Я вышелъ изъ братской; на крыльцѣ и въ сѣняхъ бабы толковали все о той же волѣ.
- И что такое дѣлается, одинъ Богъ святой знаетъ! Спросишь, кто грамотный да путный, тотъ тебѣ про волю и говорить не станетъ; а какой безпутный — того наплететъ, что и не разберешь... послушаешь того безпутнаго — просто, мои родныя матушки, просто голову сниметъ... Ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!

— Послушаешь — выпорютъ! поддакнула другая, тоже старушка-богомолка.

— Куда выпорютъ!

— Выпорютъ, родимая!

— Коли бъ выпоролн, да тѣмъ бы и дѣло повершили! Въ книгу, моя родная, запишутъ!

— Запишутъ! какъ есть — запишутъ! заговорили слушавшія богомолки.

На дворѣ подъ деревомъ сидѣла куча мужиковъ; и я подсѣлъ къ нимъ.

— Здравствуйте!

— Здравстуй, почтенный!

— Объ чемъ толкуете?

— Да всё про волю.

— Чтѣ же про нее, про волю, много толковать? слава Богу, что воля эта вышла.

— Такъ-то оно, такъ!

— А еще же чтѣ?

— А вотъ чтѣ: было у насъ начальство, господа; теперь насъ отъ господъ отобрали и никакого намъ начальства не даютъ; теперь у насъ никакого начальства нѣтъ.

— На чтѣ же вамъ начальство?

— Пу, спросить о чемъ, хоть бы о той же волѣ, и спросить некого, никто ничего не скажетъ. ⁽¹⁾

— А теперь начальство стало — не начальство, подтвердилъ другой мужикъ.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: бывало ѣдетъ становой, услышимъ колокольчикъ — поджилки дрожать! а теперь ѣдетъ становой — ничего; и уѣдетъ становой — тоже ничего!

— Это-то и хорошо!

— Это хорошо; да спросить чтѣ не у кого.

— Да чтѣ вы будете спрашивать?

— Какъ чтѣ, другъ? обо всемъ теперь надо спроситься: порядки заводятся новые, а мы люди неграмотные, — какъ разъ въ бѣду влѣзешь, совсѣмъ съ головой влѣзешь!

⁽¹⁾ Тогда въ Орловской губерніи еще не были назначены мировые посредники.

— Да вотъ хоть бы у насъ, прибавилъ другой мужикъ: — мало-мало въ такую бѣду было попали, что и.... Тутъ мужикъ только рукой махнулъ, а ни одного слова не сказалъ: видно, что они ждали большой какой-то бѣды.

— Да вы Апраксинскіе?

— Апраксинскіе...

— Дá, у васъ недалеко было до бѣды, да и до большой бѣды, другъ ты мой!

— Какъ не большой!

— Какъ еще это Богъ помиловалъ!

— Его святая воля!

— Какая жъ у васъ бѣда была? спросилъ я этого мужика.

— Большой бѣды Богъ миловалъ, а была бы. Вотъ какъ вышла воля, насъ, мужиковъ, баринъ собралъ, объявилъ намъ царскую волю, — хорошо. «Вы, говоритъ, живите смирно, да со мной ладно.» — Мы ему поклонились. — «Вы работали, говоритъ опять-таки баринъ, — вы работали на дворъ по шестнадцати десятинъ въ клину, теперь работайте по десять...»

— Какъ на дворъ? спросилъ я.

— У нихъ по дворамъ расчитано, объяснилъ мнѣ другой мужикъ: — въ твоёмъ дворѣ три работника, три работницы, да въ томъ дворѣ пять работниковъ да пять работницъ, — значитъ одинъ дворъ; восемь работниковъ, восемь работницъ — вотъ тебѣ и цѣлый дворъ выходитъ. Это у нихъ такъ заведено ужъ изстари.

— Это такъ! продолжалъ рассказикъ. — «Теперь, говоритъ баринъ, работайте дворомъ по десять десятинъ.» Мы на это ни одного словечка не сказали, поклонились только. «Ну, говоритъ, прощайте!» Мы опять поклонились; поклонились мы барину, да и разошлись. Послѣ стали толковать промежъ себя: чью намъ волю исполнять, царскую, или барскую? Царь указалъ мужику трехденку, бабамъ двуденку ⁽¹⁾, а баринъ не желаетъ царской трехденки, — какъ тутъ барина слушать? Думали, думали и придумали исполнять царскую волю, а барской не исполнять: выходить на трехденку, а сколько дворомъ сработашь, больше десяти десятинъ — барскіе!

— Куда больше сработать! дай Богъ и десять десятинъ сработать, и то въ пору!.. Больше!.. заговорили мужики, — больше какъ ни сработалъ! Сработалъ!..

(1) Т. е. мужикамъ работать три дня въ недѣлю. бабамъ — два.

— Ну, да тамъ что Богъ дастъ! продолжалъ рассказчикъ. — Еще и то положили: велить баринъ на трехденку на лошадяхъ выѣзжать, — всѣмъ на барщину на лошадяхъ и выѣзжать, всѣмъ безпремѣнно!...

— Безлошадникамъ-то (1) какъ же? спросилъ кто-то изъ слушавшихъ этотъ разсказъ.

— Сказано, всѣмъ!

— Да вѣдь у васъ во всѣхъ деревняхъ на половину, пожалуй, будетъ безлошадниковъ.

— Ну, ужъ всѣ выѣзжай на лошадяхъ!

— Да какъ же?

— И объ этомъ на міру говорили; порѣшили: у кого нѣтъ лошади, возьми, у кого двѣ, а чтобъ барская трехденка не стояла, чтобъ на міръ попреку не было; на томъ и порѣшили, и положили объявить о томъ барину, управляющему, что ли, кому надо, по начальству, чтобъ грѣха какого не вышло.

— Дá, такъ, кажись, по закону будетъ, утвердительно сказалъ одинъ.

— Такъ, по закону, по закону! подтвердили другіе, — по самой царской волѣ!

— — —

Я подошелъ къ другой толпѣ.

— Ты только то посуди: земля твоя, ты самъ-свой; живи, никого не забивай, и тебя пальцемъ тронуть никто не можетъ; ты ведешь дѣло по-Божью, и никто ни тебя, ни твоего дому, ни твоей земли, говорю, не можетъ тронуть; а своровалъ въ чемъ — судъ! Судъ разсудить — ты виноватъ.

— Виноватаго въ Сибирь!

— Да хоть за Сибирь!

— А праваго никто обижать не могъ! продолжалъ первый. — Привелъ бы Господь только, чтобъ всѣ настоящіе порядки произведены были!

— Народъ болтаетъ: настанутъ новые порядки, и всѣ суды пойдутъ праведные: хоть будь ты какой богачъ, хоть тысячами бросай, а коли проворовался — спуску не будетъ, въ Сибирь, или чего кто стоитъ.

— Сказано, свѣту будетъ поновленіе.

(1) Мужики, обрабатывающіе землю и по бѣдности не имѣющіе рабочихъ лошадей; такому мужику очень трудно справиться.

— А! П. И. здравствуйте! сказалъ, подходя ко мнѣ, отецъ П., съ которымъ меня познакомили въ Трубчевскѣ. — Хотите посмотреть нашъ монастырь, нашу ризницу?

Разумѣется, я на это согласился съ радостію, и мы пошли съ нимъ по монастырю.

Въ Челнскомъ монастырѣ вся постройка новая; одинъ только корпусъ, въ которомъ находится теплая церковь — довольно старинной постройки. Иконъ стараго письма я не видѣлъ ни одной; книгъ старыхъ, рукописей тоже нѣтъ; самая замѣчательная рукопись — синодикъ прошлаго вѣка, изъ котораго видно, что князья Трубецкіе до послѣдняго времени не оставляли Челнскаго монастыря. Такъ, подъ 1768 годомъ, въ синодикъ вписанъ князь Алексѣй Никитичъ, бывшій ктиторъ монастыря. Чудотворной здѣшней иконы Богородицы я не видалъ: лѣтомъ эта икона въ ходъ идетъ, большую часть лѣта пробываетъ въ Трубчевскѣ, гдѣ жители приносятъ ее къ себѣ въ домъ и служатъ ей молебны, которые поютъ очередные монахи изъ Челнскаго монастыря. Челнская чудотворная икона приплыла къ мѣсту, на которомъ теперь стоитъ монастырь, по Деснѣ въ челиѣ, — поэтому и монастырь получилъ названіе Челнскаго. Преданіе говоритъ, что она писана преподобнымъ Алимпіемъ, знаменитымъ Кіевскимъ иконописцемъ.

— Гдѣ здѣсь, батюшка, пройти къ пещерамъ? спросила меня богомолка старуха, когда я вышла за монастырскую ограду полюбоваться мѣстностію монастыря.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Пойдемъ, батюшка, вмѣстѣ поищемъ. Какъ не найти? чай, на родъ пойдетъ къ пещерамъ, и мы за народомъ.

— Пойдемъ, матушка!

— Вотъ сюда, сюда, подъ гору, говорила старуха, сходя съ крутой горы.

— Подъ гору-то ты, матушка, сойдешь, сказалъ я: — какъ только на гору взбираться будешь?

— Отчего же не взобраться?

— Да видишь, какая крутизна; а тутъ, на бѣду, никакой тропиночки не видно; по дорожкѣ всё бы легче было.

— Ничего, родимый!

— А какъ не взойдешь?

— Молитвы Клеона преподобнаго помогутъ.

— Котораго Клеона преподобнаго?

— А вотъ того, который въ этихъ пещерахъ спасался.

— Давно онъ жилъ?

— Нѣтъ, не очень давно.

— Что жъ, народъ его помнить?

— Какъ не помнить! человекъ святой былъ! А молиться станетъ, — сказываютъ, за всеночной всякій канонъ долго пѣлъ!.. Не даромъ Десна рѣка свой путь перемѣнила.

— Это какъ?

— Она текла, Десна-то, подъ самимъ номыстаремъ, а за молитвы Клеона, вишь гдѣ пошла!

— Да чѣмъ же теперь лучше?

— А какъ же? Номастырь, номастырскую гору не подмываетъ.

26 июля. Заштатный городъ Погаръ, Черниговской губернии.

Изъ монастыря я, послѣ обѣдни, пошелъ на дорогу, идущую изъ Трубчевска на Погаръ. Я уже говорилъ, что Челнскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, и по этому лѣсу, съ одной стороны монастыря, разсыпаны курганы и на многихъ изъ нихъ растутъ вѣковые деревья. Говорятъ, что еще въ самое недавнее время весь правый берегъ Десны былъ покрытъ дремучими лѣсами; теперь этихъ лѣсовъ нѣтъ; если и попадаются, то очень небольшіе, какъ, напримѣръ, около Челнскаго монастыря. Говорятъ, что въ старыхъ дремучихъ лѣсахъ было множество кургановъ. Что ихъ было больше теперешняго, это вѣроятно, но и теперь эти курганы идутъ непрерывною цѣпью по крутому правому берегу Десны; по крайней мѣрѣ, я могу сказать, что эту цѣпь кургановъ видѣлъ отъ Усока до Челнскаго монастыря. Въ самомъ Трубчевскѣ — городище. Городокъ — не что иное, какъ курганы.

— Кормилецъ, батюшка! Христа ради, сотвори твою святую милостыню!

Я оглянулся: сзади меня стоялъ старикъ въ довольно ветхой свиткѣ, безъ сумы и безъ подсумка.

Черезъ минуту мы съ нимъ были пріятелями.

— Сядемъ-ко здѣсь, сказалъ я ему, садясь около дороги: — я закурю папирску. Ты куришь?

— Не, не живаю!

— А не живаешь, не надо.

— Ты-то кури, мнѣ это ничего, говорилъ онъ, присаживаясь возлѣ меня, — ты кури!

— Какіе здѣсь курганы, дѣдушка? Откуда они у васъ взялись? спросилъ я его.

— То не курганы, то татарскія могилы, отвѣчалъ старикъ, улаживаясь получше сѣсть.

— Зачѣмъ же Татаръ хоронили здѣсь?

— Это было лѣтъ за сто, ато глядишь—и больше, номастырь нашъ Челнскій былъ богатый номастырь. Услыхали Татары про богатство номастырское... а Татары вѣры не нашей, Татары вѣры поганой, имъ что номастырь? Они грѣха не знаютъ-ти—святой номастырь, церковь-ти ограбить... имъ все едино, ти церковь, ти просто домъ!.. Задумали Татары, номастырь этотъ Челнскій ограбить, собрали силу несмѣтную и пошли на номастырь... Только игумень со старцами подняли чудотворную икону Челнской Богородицы и обошли кругомъ номастыря; тогда Татарове всѣ переслѣпили. Страхъ на нихъ такой напалъ... видѣтъ-то не видать ничего... отъ страху этого они и почали саблями другъ отъ дружки отмахиваться... Отмахивались, отмахивались, да другъ дружку, сами себя, всѣхъ до одного и позарубали... Старцы видятъ такое чудо матушки Богородицы, вышли изъ номастыря, выкопали ямы, побросали, какъ собакъ какихъ поганыхъ, ихъ тѣла въ тѣ ямы да заматали землею; оттого и пошли эти курганы.

— А за Трубчевскъ къ Усоху—тамъ какіе курганы? Тоже татарскія могилы?

— Не, тѣ — не могилы.

— А что жъ?

— Тѣ — курганы.

— Отчего жъ пошли тѣ курганы?

— А кто ихъ знаетъ! Мало ли народъ что болтаетъ! всего не переслушаешь.

— Что же народъ болтаетъ?

— Болтаетъ народъ, что всѣ тѣ курганы какіе-то Кудеяры насыпали... кто ихъ знаетъ?

— Какіе же такіе Кудеяры были?

— Болтаютъ, что изстари жилъ какой-то народъ, Кудеярами прозывался; народъ былъ — злодѣй, безбожный, съ нечистою силою знался... вотъ тѣ Кудеяры и курганы понасыпали.

— Для чего же они, эти Кудеяры, курганы тѣ понасыпали? добивался я у старика.

— А кто ихъ знаетъ!

— Народъ же что-нибудь да говоритъ, для чего Кудеяры этихъ кургановъ столько понасыпали?

— Говоритъ народъ, отвѣчалъ старикъ, значительно понизивъ голосъ, — говоритъ народъ, что въ тѣхъ курганахъ золото, серебро да камни самоцвѣтные, да свѣчи восковыя; тѣ Кудеяры понакладывали, да тѣми курганами все золото, серебро позасыпали.

— Для чего же?

— Клады клали.

— Находили эти клады?

— Нѣтъ, не слыхалъ я, чтобъ тѣ клады кому въ руки дались: ихъ достать никакъ нельзя.

— Отчего же?

— Съ большими заклѣтками положены.

— Будто теперь никто ужъ и не знаетъ заклѣтій?

— Видно, мало знающихъ.

— А никто не пытался достать эти клады?

— Какъ не пытался? пытался, да только толку въ томъ мало: роютъ, роютъ, а всё ничего не выроютъ. Вотъ первый Бугаевскій баринъ... какъ пойдешь къ Погару, Бугаевка тебѣ по пути будетъ... такъ старый Бугаевскій баринъ все имѣніе на клады потратилъ, а такъ и умеръ: ни одного клада не нашелъ... А сколько денегъ потратилъ! все имѣніе продалъ на клады эти.

— Отцы наши, родные кормилцы! заголосилъ сзади меня тонкій бабій голосъ.

Я обернулся: сзади меня стояла женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ виду очень здоровая, держа за руку мальчика лѣтъ пяти или шести. Какъ мальчикъ, такъ и сама женщина были до-нельзя грязно одѣты: по взгляду видно было, что они своей одеждой хотѣли произвести сильный эффектъ на благочестивыхъ богомольцевъ.

— Ты отколь? спросилъ ее довольно грозно мой прежній собесѣдникъ-старикъ.

— Да мы изъ Любовна! отвѣчала женщина. А вы, родимый, сами то изъ какихъ такихъ мѣстовъ?

— Мы крестьяне господина Апраксина, отвѣчалъ какъ-то съ разстановкой мой старикъ.

— Апраксинскіе! протяжно, не то подтвердительно, не то вопросительно, проговорила женщина.

— Да, мы Апраксинскіе! строго заговорилъ старикъ. А ты, баба молодая, работать не работаешь, а по міру ходишь; по міру ходишь—святой милостыней питаешься.

— А что жъ, что питаюсь?!

— А то, что грѣхъ большой!

— Какой же грѣхъ?

— Да кто тебѣ святую милостыню подастъ, на твою душу всё грѣхъ того, какъ на шею жерновъ, — вотъ что!... Вотъ какой грѣхъ!... Баба ты еще молодая, а ходишь по міру, святой Христовой милостыней побираешься да питаешься!

— А самъ-то ты не побираешься?! самъ Христовымъ святымъ именемъ не кормишься?! завопила женщина-побирушка, горячася всё болѣе и болѣе. — Вишь какой святой! А ты посмотрилъ бы у меня на дворъ да на хату, да послѣ того ты бѣ меня и казнилъ, коли стою! Я побираюсь, а онъ свой хлѣбъ ѣстъ!... У меня пять человѣкъ дѣтей, а работниковъ только и есть, что я одна!... Тоже учить!... А работниковъ только я да вотъ еще на помогу чертенокъ!

Тутъ женщина — не извѣстно, для какой причины — дала своей помогѣ довольно значительнаго подзатыльника. Мальчишка-помога разревѣлся.

— Чего ты? крикнула на него мать, мазнувъ его по глазамъ, по носу и губамъ своимъ грязнымъ рукавомъ, думая тѣмъ привести въ надлежащій порядокъ несчастнаго ребенка. — Чего еще разревѣлся?... Вишь, учить умѣетъ, продолжала она опять въ пользу моего собесѣдника, — учить умѣетъ, а самъ, небось, по міру ходитъ, милостыней Христовой святою питается, а другимъ, поди ты, другимъ — грѣхъ!

— Я, матушка, слѣпъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ слѣпой. Онъ такъ вольно себя держалъ, что я этого никакъ не подозрѣвалъ; но довольно было взглянуть ему въ глаза, чтобъ увѣриться въ справедливости его словъ: на обоихъ глазахъ были бѣльма.

— А что жъ, что ты бѣльмастый! кричала баба, — а вишь, какой кряжистый да здоровый!... Да и съ бѣльмами-то своими, захотѣлъ бы, нашелъ работу! Какой здоровый, а работать, небось, солоно!

— Матушка! заговорилъ старикъ, — матушка, кость только у меня широка, костью я широкъ, а силы-то: на гору взойду — задыхаюсь; право, на гору не взойду.

— Задыхаешься! на гору не взойдешь!.. а какъ посмотрѣть въ хатѣ, то подъ кутѣмъ, небось, что твой кладъ!.. Тамъ, небось, денжищевъ-то у проклятаго!

— Нѣтъ, матушка, не обиждай! Сродясь сумки да подеумки не надѣвалъ! Прошу Христа ради хлѣба насущнаго, даждь намъ днесь; а про запасъ, видитъ Богъ! видитъ Богъ, отродясь не просилъ! Станешь просить милостыню, другой день именемъ Христовымъ вымолишь хлѣба и на мѣсяцъ, такъ тотъ мѣсяцъ и по міру не хожу.

— Разсказывай!

— Да и разсказывать-то нечего!

— Знаемъ мы васъ....

— Дай Богъ тебѣ путь-дорогу, человѣкъ почтенный! сказалъ, приподымаясь, старикъ.

— Не поминай лихомъ! отвѣчалъ я.

— Али совѣсть взяла? пѣла свое баба; — али стыдно стало, какъ самому правду стали высказывать!

Старикъ повернулъ въ монастырь, баба юкнула въ лѣсъ, а я пошелъ на большую дорогу, подвигаясь впередъ къ Погару.

Жаръ стоялъ страшный; дождя давно не было; даже душно было; но всё-таки богомольцевъ по дорогѣ было много, въ-особенности богомолковъ, и съ дѣтьми, и безъ дѣтей.

— Далеко до Бугаевки? спросилъ я одну женщину, которая вела за руку сынишку лѣтъ четырехъ, возвращаясь отъ обѣдни.

— Недалеко, родной, недалеко: верстъ какихъ шесть будетъ, ато еще пять... больше пяти не будетъ.

Простой народъ не любитъ обижать: всегда хочетъ порадовать хоть однимъ простымъ словомъ; такъ и теперь: отъ Челнскаго монастыря до Бугаевки верстъ пятнадцать, да, кажется, и семисотныхъ верстъ ⁽¹⁾. Я это зналъ и спросилъ женщину только, чтобъ съ нею заговорить. Она не хотѣла меня огорчить предстоящимъ длиннымъ путемъ, и потому, хоть на словахъ, да сократила дорогу.

Кстати припомню, что на вопросъ одного проѣзжаго: сколько верстъ осталось ѣхать? мужикъ отвѣчилъ: десять верстъ.

(1) Когда проложили линію для шоссе отъ Курска до Харькова, то число верстъ увеличилось, хоть дорога и прямѣй сдѣлана. Это объясняется тѣмъ, что сперва версты были семисотныя т. е. въ 700 сажень, а не въ 500, какъ теперь.

— Какъ десять?

— Да десять, батюшка!

— Ты врешь, дуракъ! крикнулъ разсердившійся, неизвѣстно за что, протѣзжій.

— Чего ты ругаешься? сказалъ мужикъ: — скажу двадцать, и двадцать поѣдешь, здѣсь стоять да кричать не останешься; сколько скажу, столько и поѣдешь!

Итакъ женщина мнѣ обѣщала только пять верстъ, вмѣсто пятнадцати, или и всѣхъ двадцати.

— Да какъ же такъ? спросилъ я ее: — говорятъ, отъ Челмскаго монастыря до Погара двадцать-пять верстъ слишкомъ, а отъ Бугаевки останется до Погара только верстъ десять; поэтому должно отсюда до Бугаевки болѣе пяти-шести верстъ?

— По этому выходитъ больше, согласилась со мной женщина.

— Ты сама откуда?

— Изъ Любовни, родимой.

— А куда ходила?

— Къ обѣднѣ, родимой.

— И мальчишку что ли водила? сынокъ, чтолъ твой?

— Сынокъ, сынокъ мой; водила къ обѣднѣ: причащала. Надо съ малыхъ лѣтъ приучать Бога бояться.

— Правда, тетушка, правда твоя.

— Какъ не правда, родимой!... Что, Васюшка, уморились твои поженъки? обратилась она къ своему сыну. — Дай возьму тебя на рученьки, ножки твои отдохнутъ.

Женщина взяла на руки мальчика, сняла съ головы повязанный сверхъ кички платокъ, закрыла голову сыну, и тотъ ту жъ минуту заснулъ.

Въ монастырѣ всѣ женщины, повязывая платкомъ кичку, распускали сзади по спинѣ концы платка, который — замѣтить кстати — обыкновенно бываетъ темнаго цвѣта; между тѣмъ, какъ здѣсь, вездѣ я встрѣчалъ женщинъ, повязанныхъ платкомъ, тоже поверхъ кички, чалмообразно. Этотъ головной уборъ тѣмъ болѣе похожъ на чалму, что самая кичка очень низка и что сложенный платокъ толсто наматывается къ низу. Панёвы здѣсь встрѣтилъ такія, какихъ въ Великой Россіи я не видалъ: здѣшнія панёва состоятъ изъ четырехъ, или иногда изъ трехъ полотнищъ матеріи, приготовляемой изъ шерсти исключительно для панёвъ, и эти полотнища не сшиваются, а подвязываются кушакомъ, какъ заана-

вѣски; ежели панёва состоятъ изъ трехъ кусковъ, то спереди панёва не закрываетъ рубашки⁽¹⁾. Но во всякомъ случаѣ, состоятъ ли изъ трехъ, или четырехъ кусковъ, — надѣваютъ передникъ. Лѣтній костюмъ дѣвушекъ немногосложенъ: головной уборъ состоитъ изъ платка, сложенного шарфомъ, которымъ обертываютъ голову, не закрывая макушки и завязывая спереди; волосы заплетаютъ или въ одну косу всё, или оставляютъ около ушей по локону, не заплетенному, или и совсѣмъ не заплетаютъ. Остальной нарядъ — рубашка, подпоясанная поясомъ; иногда надѣваютъ передникъ, который закрываетъ грудь, животъ и ноги до колѣнъ.

— Отчего въ церкви, спросилъ я женщину, когда она усыпила своего сына, — отчего въ церкви всё женщины были не такъ повязаны платкомъ, какъ обыкновенно?

— Какъ же можно, родимый, въ церкви платокъ скрутить? Въ церкви такъ нельзя.

— Отчего же?

— Да ужъ нельзя: въ церкви надо платокъ распустить. Хоть старуха, хоть молодая, а какъ идешь въ Божию церковь, повязывай платокъ что есть лучший и концы распусти.

— Платокъ у васъ всегда купленный?

— У насъ только и наряду купленного, что платокъ одинъ; да и тотъ прежде, въ старые годы, не покупали: полотенцемъ повязывали, хоть и въ церковь идти; теперь дома-то и ходимъ съ полотенцемъ, а идти куды — всё платочкомъ повяжешь. А дома-то все свое носишь, не купленное.

— Полотенце вѣдь тоже надо вышить красными хоть нитками; краску надо, чай, тоже покупать?

— И, гдѣ покупать! Всего, другъ, не накупишься. Да какая у насъ и краска-то! Пойдешь въ лѣсъ, наскоблишь шкурки съ яблонки, вотъ тебѣ и вся краска готова.

— Когда же надо яблонку скоблить? спросилъ я: — лѣтомъ, или зимой?

— Вотъ объ эту пору и скоблить надо. Зимой у насъ никто и не скоблитъ.

— Яблонка-то вѣдь портится?

— Портится, да что въ ней толку-то? Здѣсь лѣсная яблонка кислая,

(1) Это украинскія плахты *Ред.*

съ лѣсной яблонки яблочка не скушаешь. А съ хорошей какъ можно скоблить! Мы съ хорошей не скоблимъ.

— Вѣдь краски разныя; какъ же вы красите одной яблонкой?

— Яблонкой красимъ въ красное, въ черное — ольховой корой, въ желтое — пупавки, ато и сандалу прибавляемъ.

— А что, тетушка, можно зайти къ тебѣ, пообѣдать? спросилъ я, когда мы подходили къ Любовну.

— Да и звать-то мнѣ тебя не зачѣмъ, отвѣчала баба: — печь понче не топила, да не знаю, досталъ ли хозяинъ мой хлѣба-то; ато во всей хатѣ во каково кусочка не сыщешь!...

— Да я тебѣ, родная, за обѣдъ твой заплачу, что будетъ стоять, сказалъ я. «Можетъ быть» думалъ я, «что баба и скупится.»

— И, родимый! Христосъ съ тобою! Что ты заплатишь? Коли бъ у насъ постоянный дворъ держали; ато хлѣбъ есть — какъ не накормить человѣка? да бѣда-то вся въ томъ: хлѣба, какъ есть, кусочка крошечнаго въ хатѣ нѣту....

— Отчего же у васъ такая бѣдность?

— Христосъ ее знаетъ!... Такъ, видно, Богъ далъ.... Хозяинъ у меня человѣкъ больной....

— Чего жъ онъ не лечится?

— Лечился, родной, лечился.

— Да что жъ?

— На лекарство не идетъ!

— Кто же его лечилъ?

— Да всѣ лечили! и здѣсь всѣ лекарки, и въ городѣ къ лекарямъ ѣздилъ....

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А что Богъ дастъ.

— Господа, что ль кормятъ?

— Мы не господскіе.

— Какіе же?

— Мы удѣльные.

— Да вѣдь надо что-нибудь ѣсть; дома хозяинъ больной, хлѣба не добудеть.

— Я работаю.

— И всю семью кормишь?

— Чего не заработаю, міръ подаетъ.

— Что же ты, по міру ходишь?

— А что сдѣлаешь? Придется, ѣсть нечего, — нужда заставить и по міру идти.

— И сынишка твой ходить по міру?

— Изъ лѣсу въ поборъ не пускала! какъ то рѣшительно отвѣчала баба.

— Отчего же?

— И сама-то пойду, такъ дѣтямъ про то не скажу; чтобъ дѣти про то и не знали.

— Отчего же?

— Привыкнетъ христардничать съ измалку, — работать-то и не заставишь послѣ.

— Дѣло, родная!

— Какъ не дѣло, родимый!.. Ну, прощай, родимый! Спасибо тебѣ за путь, за дорогу!

— Спасибо и тебѣ.

Женщина пошла на деревню, а я присѣлъ у колодезя, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ прохожихъ изза Трубчевска, возвращавшихся съ лѣсныхъ работъ домой на рабочую пору, и богомольцевъ изъ Челнскаго монастыря.

— Чтѣ, братцы? спросилъ я, поздоровавшись: — можно здѣсь у кого пообѣдать?

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчали мнѣ: — здѣсь въ Любовно не пообѣдаешь: негдѣ.

— Отчего же?

— А длѣ-того: хлѣба ни у кого нѣтъ.

— И не покупають?

— Купила-то нѣтъ; ато длѣ-чего нельзя? было бѣ кунило — былъ бы и хлѣбъ.

— Народъ что ли ужъ очень бѣденъ?

— Куда жѣ богатъ! Нашъ братъ мужикъ завсягда деньгами скидается; обѣ деньгахъ мы и не толкуемъ; стало быть бѣденъ, коли и хлѣба корки нѣтъ.

Изъ Любовна я повернулъ влѣво и зашелъ въ Хотяиновѣ въ одну избу. Изба стояла на некрытомъ дворѣ; противъ избы, аршинахъ въ пяти, стоялъ амбаръ, соединенный съ избой развалившимся навѣсомъ. Избушка была худенькая, маленькая: не болѣе 6 — 7 аршинъ въ свѣту, т. е. отъ одной стѣны до другой, и безъ стѣнецъ. Когда я вошелъ, пожи-

лая женщина что-то наливала въ деревянную чашку для мальчика лѣтъ трехъ.

— Здравствуй, хозяйка!

— Здорово, родимый!

— Можно у васъ отдохнуть?

— Отдохни, кормилецъ! Видишь, какая жара стоитъ. Объ эту пору куда пойдешь?

— Ну, хозяйюшка, дай пожалуста напиться.

— Изволь, родимый, испей водицы; вода холодная, только что съ колодезя принесла. Да ты не пей такъ-то воды: на жару это не хорошо, говорила привѣтливая хозяйка: — на жару выпьешь чистой водицы — жажду не утолишь, жажда пуще возьметъ; а ты возьми кусочекъ хлѣбца, пожалуй, да водицей и запей.

— Дай же мнѣ кусочекъ хлѣба, попросилъ я хозяйку, когда она мнѣ поднесла ковшикъ воды.

— Да у меня хлѣба ни крошки нѣту! отвѣчала, съ самымъ веселымъ взглядомъ и улыбкой, моя хозяйка.

— Какъ нѣтъ?

— Да ни крошечки!

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А нѣ, попробуй! сказала она, подвигая ко мнѣ чашку, изъ которой ѣлъ мальчикъ.

Я попробовалъ: что-то жидкое, пріятное, безвкусное, травянистое.

— Что это такое? спросилъ я.

— Каша, кормилецъ.

— Изъ чего ее варила?

— А пойдешь въ поле, ржи натрешь да и сварить: рожь-то не дозрѣла, такъ теперь на кашу на день натрешь, тѣмъ и кормишься... Коли бѣ посолить хоша, то скуенѣй была бѣ; ато соли-то нѣтъ; а безъ соли скусу того въ кашѣ не будетъ.

— И молока нѣтъ?

— У насъ на деревнѣ не сыщешь ни у кого: надежь былъ—всѣхъ коровъ повычистило.

— Плохо жъ вы, родная, живете.

— Э, кормилецъ! У людей и того нѣтъ. Есть, что и хуже насъ грѣшныхъ живутъ.

— А развѣ есть?

— Какъ не быть!

— Да гдѣ же?

— Возьми хоть а — скихъ: тѣ еще... куды хуже насъ, бѣдные, мучаются!

— Чѣмъ же вы лучше живете?

— У насъ хоть лошадка есть; всё работать можно; а работать будешь — и хлѣбъ, Богъ дастъ, будетъ; а тѣ — безлошадники, на половину лошадей нѣтъ: какъ имъ справляться? имъ по-вѣкъ справиться нельзя.

— Сходи, хозяйюшка, перебилъ я хозяйку, подавая ей мелочи около рубля серебромъ, — сходи купи хлѣба, поѣдимъ.

— Да у насъ столько не купишь печенаго хлѣба, сказала хозяйка, взглянувъ на деньги.

— Все равно, ты муки купи да хлѣбовъ напеки.

— Да тебѣ какъ же ждать?

— Я послѣ зайду, тогда и поѣмъ, отвѣчалъ я, выходя изъ избы.

Послѣ неудачной попытки пообѣдать въ Хотыяиновѣ, я пошелъ къ Бугаевкѣ, дорогой пустынной, то лѣсомъ, то полемъ. И для кого такая широкая дорога между Трубчевскомъ и Погаромъ (въ 30 сажень)? я никакъ догадаться не могу. По дорогѣ до Бугаевки я видѣлъ одного только мужика, вышедшаго съ проселка.

— Куда идешь? спросилъ я.

— Да бѣда надо мной такая стряслась, что одинъ только Богъ святой знаетъ, какъ бѣду эту и разхлебать будетъ.... Горе такое:...

— Какое горе?

— Какъ, другъ, не горе? Лошадь пропала!

— Давно пропала?

— Да ужъ третій день бѣгаю, спрашиваю; да гдѣ ее съищешь! Знать, совсѣмъ въ-чистую пропала.

— Хорошая лошадь?

— Хороша ли, дурна, — всё свой животъ!... А вору какая же воля брать дурную? Воръ, разумѣется, выбираетъ что ни самую лучшую изъ всего табуна.

— Откуда жъ у тебя увели лошадь?

— Со двора проклятый свелъ. Стали мы ужинать; поужинали, хотѣли въ-ночное ѣхать; а тутъ хватъ — лошади нѣтъ! Кинулся туда, сюда, — нѣтъ какъ нѣтъ!... И ума не приложу, что съ головушкою горькою своей дѣлать!

— Жаль мнѣ тебя, братъ, а помочь, самъ знаешь, помочь этому дѣлу не могу.

— Куда помочь!

— Часто у васъ лошадей крадутъ?

— Какъ не часто!... Только и послышишь: то тамъ тройку свели, то тамъ пару; недѣли не будетъ, какъ около насъ никакъ ужъ лошадей семь свели.

— За одинъ разъ?

— Нѣтъ, нонче сведутъ у меня, завтра у тебя.... Такъ обидѣли, такъ обидѣли....

— Скоро хватились, какъ же вы не догнали вора? спросилъ я.

— А какъ его догонишь? Загонить ее въ лѣсъ, тамъ его, вора-то, и не найдешь.

— Услышишь: лошадь заржетъ....

— И лошадь у вора никогда не заржетъ.

— Не заржетъ?

— Не заржетъ. Воръ привяжетъ къ хвосту камень; хочетъ лошадь заржать, надо лошади хвостъ поднять, а въ хвосту камень; лошадь вспомнить про камень и не заржетъ.

Отъ Хотьянинова или Хотьянновки до Бугаевки нѣтъ ни одной деревни; только версты за двѣ стоитъ въ лѣсу небольшой хуторъ. Выйдя изъ этого лѣсу, вы сей-часъ же переходите въ Черниговскую губернію. Здѣсь мѣсто вышло пуповиной и передъ вами открывается великолѣпный ландшафтъ: поле, склоняясь въ лѣвую сторону, мѣстами примыкаетъ къ рощамъ, а мѣстами теряется за горизонтомъ; едва верстъ за десять, виднѣется Погаръ; вправо у самой опушки нѣсколько крестовъ. Ужъ не могли ли несчастныхъ корчемщиковъ?

Въ Бугаевкѣ первый шинокъ, стало быть *вольница*, стало быть и Малороссія началась. Сколько разъ мнѣ ни случалось въѣзжать въ Малороссію, я замѣчалъ всегда шинокъ почти на самой границѣ, и въ этомъ шинкѣ народу вездѣ труба нетолченная!... Кто ѣдетъ въ Малороссію — встрѣчу справляетъ съ вольницей; кто выѣзжаетъ въ Россію — прощается съ шинкомъ, съ хорошей вольной водкой. Великороссіяне, живущіе часто за десять верстъ отъ границы, тоже часто заходятъ погулять въ шинокъ. Вѣдь шинокъ не то, что кабакъ. Въ кабактѣ, кромѣ водки, можно найти только прошлогодніе калачи, бублики и изрѣдка ржавую селедку. Да и самъ цѣловальникъ не похожъ на хозяина: у цѣловальника за-частію и хозяйства никакого нѣтъ, и весь домъ не домъ, а одинъ ка-

бакъ. Въ шинкѣ для кабака собственно отведено небольшое мѣсто, а въ остальной домѣ вы найдете мѣсто и отдохнуть, и закусить вамъ подадутъ. Такъ и въ Бугаевкѣ мнѣ, по постному положенію, подали луку съ квасомъ. Хмѣльного народу, по обыкновенію, въ шинкѣ было много, и всё бабы: однѣ шли съ богомолья изъ Челмскаго монастыря, другія пришли съ какихъ-то крестинъ — доканчивать крестины.... Костюмъ былъ на всѣхъ одинъ, но говоръ слышался и южнорусскій и сѣверный, и, какъ сѣверный говоръ сбивался на южный, такъ и въ южномъ много слышалось сѣвернаго. Во многихъ кучкахъ запѣвали пѣсни или совсѣмъ малороссійскія, или хотя и русскія, но большею частию на малороссійскій ладъ. Малороссійскіе напѣвы, впрочемъ, слышались довольно далеко отъ границы Малороссіи: я слыхалъ эти напѣвы въ Малоархангельскомъ, Мценскомъ уѣздахъ Орловской губерніи и даже въ Новосильскомъ Тульской губерніи; а въ Кокаревкѣ, за сорокъ верстъ отъ Трубчевска къ Дмитровкѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на свадьбѣ, я не слыхалъ ни одного напѣва свадебной пѣсни сѣверно-русскаго: всё южныя.

Въ шинкѣ все шло громче и громче, шумнѣй и шумнѣй, и все безтолковѣй и безтолковѣй. И я, видя, что тамъ дѣлать нечего, пошелъ по деревнѣ. У одного двора сидѣлъ у воротъ мужикъ.

— Помогай Богъ! сказалъ я ему, усаживаясь около него на какую-то колоду.

— Милости просимъ! отвѣчалъ мужикъ. — Сядись, братъ, отдохни со мной.

— Эко, сколько народу у васъ въ шинкѣ! сталъ я заговаривать съ нимъ.

— Народъ, знаешь, идетъ со всѣхъ сторонъ въ Бугаевку въ шинокъ: здѣсь водка дешевая, да и *кряпоче*, чѣмъ въ Трубчевскѣ; вотъ народъ и взялъ такую *привычку* ходить въ Бугаевской шинокъ: другой, сердчный, бѣжитъ и невѣсть откуда на дешевку.

— Скажи пожалуста, отчего у васъ на этой сторонѣ деревни хаты стоятъ на дворѣ, а на той, къ барскому дому — на улицу?

— На этой сторонѣ постройка старинная: какъ дѣды строились, такъ и теперь строятъ; а тамъ почали строить всё по-новому: всѣ хаты на улицу.

— Отчего же?

— Тамъ господскіе живутъ; господа ихъ и перестроили на свой ладъ, а мы люди вольные, мы козаки, — живемъ, какъ наши отцы, наши дѣды намъ позволили.

— Теперь вѣдь нѣтъ господскихъ крестьянъ; такъ бывшіе господскіе будутъ перестраиваться по-старому, или уже такъ и останутся, какъ господа ихъ построили?

— Нѣтъ, такъ и останутся... куды имъ!...

— Отчего же?

— Они мужики.

— Теперь всѣ вольные почти совсѣмъ, только временно обязанные; а уладятся съ господами, и совсѣмъ будутъ вольные люди тогда.

— Всѣ будутъ мужики.

— Да отчего же?

— Сказано въ писанинѣ: «отъ лоша родится лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ.»

— Ну, такъ что жъ?

— Мужикъ привыкъ подъ господскимъ страхомъ жить; безъ этого страху мужикъ пропадетъ: настоящимъ человѣкомъ не сдѣлается никогда.

— Это, братъ, не ты говоришь — зависть твоя говорить! сказалъ я ему на это.

— Помогай Богъ! проговорилъ въ чуйкѣ, какъ послѣ оказалось, погарскій мѣщанинъ-сапожникъ, человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти или восьми, рослый и здоровый.

Я обрадовался новому собесѣднику: разговоръ нашъ съ прежнимъ товарищемъ былъ какъ-то не ловокъ: или мнѣ приходилось съ нимъ согласиться, или спорить съ нимъ. Согласиться мнѣ не хотѣлось, а спорить — значить учить, а отъ этого я рѣшительно разъ навсегда отказался: изъ этого ничего никогда не выйдетъ, да и время даромъ только пропадетъ.

— Объ чемъ толкуете? спросилъ мѣщанинъ, тоже присаживаясь къ намъ.

— Да всѣ объ волѣ.

— А что объ волѣ толковать?

— А то толковать, отвѣчалъ мой мужикъ-козакъ, — то толковать, что отъ этой воли всѣмъ будетъ плохо.

— Нѣтъ, дядя, сказалъ мѣщанинъ. — Ты возьми только то: всѣ будутъ вольные; всякому человѣку богатѣть можно, никто его и не тронетъ, тогда и нашему брату-мѣщанину не въ примѣръ лучше будетъ. Теперь что ты возьмешь съ мужика? съ голаго, что съ святого, взять ечего!...

— А разбогатѣть мужикъ?

— Разбогатѣетъ мужикъ?... Тогда и ты около него поживишься, сытъ всё будешь!

— Это какъ?

— А такъ: взять теперь хоть меня; сошью я сапоги; много у меня мужикъ купить? онъ бы и радъ купить сапоги тѣ, да купить-то не на что; мужикъ безъ сапогъ, а ты безъ денегъ! Теперь ты, положимъ, рыбу ловишь; мужикъ бы и взялъ у тебя рыбки, да взять-то нельзя: безъ денегъ ты ему рыбки не дашь; ты и сиди со своей рыбкой, а денегъ-то и у тебя нѣту, и тебѣ купить что надо, ты не покупаешь, какъ ни плохо, а такъ пробавляешься.

— Отъ лося — лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ! проговорилъ угрюмо козакъ.

— Нѣтъ, дядя! попомни мое слово: всё пойдутъ лоси; свиньямъ воду не будетъ, всѣ свиньи переведутся:...

— Переведутся?

— Переведутся, дядя!

Оба замолчали.

— Пойди напиться, сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, козакъ.

— Вынеси и мнѣ водицы, попросилъ мѣщанинъ: — ишь жара какая стоитъ!

Козакъ вынесъ воды и подалъ мѣщанину.

— Будь здоровъ кушамши, прибавилъ онъ съ поклономъ, когда мѣщанинъ взялъ ковшъ съ водой въ руки и началъ пить.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ тотъ, выпивши воду.

— Не хочешь ли и ты? спросилъ меня козакъ: — вода у насъ ужъ очень легкая.

— Сдѣлай милость, дай, дядя!

Козакъ опять принесть воды, и съ тѣмъ же привѣтомъ подалъ мнѣ.

— Славная вода! сказалъ я, поблагодаривъ хозяина за воду и отдавая ему ковшъ.

— И вода у насъ хороша, да и озеро у насъ такое доброе. Такого другого и не сыщешь.

— Чѣмъ же оно доброе?

— А тѣмъ оно доброе: никогда никому никакого зла не сдѣлало; никто изъ самыхъ стариковъ не запомнитъ, чтобы наше озеро малому ребенку какую *вреду* сдѣлало.

— Какой же вредъ можетъ сдѣлать озеро?

— Въ нашемъ озерѣ ни ребенокъ... да не то что ребенокъ, а надо сказать цыпленокъ, и тотъ не утонулъ. Ти лѣто, ти зима — озеру все равно, всё озеро доброе.

— Какъ называется ваше озеро?

— Святое озеро называется.

— Почему жъ его такъ назвали?

— А потому его назвали Святымъ, что озеро доброе очень!

До Трубчевска отъ Дмитровки дорога иногда идетъ лѣсомъ, а отъ Трубчевска къ Погару лѣсъ идетъ дорогою: среди распаханныхъ полей, на которыхъ не видите ни кусточка, лежитъ широкая дорога, указной тридцати-саженной мѣры, и по этой-то дорогѣ растетъ лѣсъ, оставляя довольно мѣста для прохожихъ и для немногочисленныхъ своихъ проѣзжающихъ, а поэтому и лѣсъ не мѣшаетъ проѣзжающимъ, а равно и проѣзжающіе — лѣсу.

— Чей это хуторъ? спросилъ я встрѣтившуюся мнѣ бабу, отойдя отъ Бугаевки верстъ шесть или семь.

— Это не хуторъ.

— А что жъ?

— Это шинокъ.

— Въ шинкѣ можно напиться?

— Что же? можно.

Я пошелъ къ шинку.

— Здравствуй, служивой! сказала я сидѣвшему на порогѣ отставному солдату.

— Здравствуй, братъ!

— Можно попросить напиться?

— Можно: попроси у Жиды.

— Здѣсь шинкаръ Жидъ?

— Жидъ; здѣсь всё пойдутъ шинкари жиды; въ Бугаевкѣ былъ последний шинкаръ изъ Русскихъ.

— Тамъ отчего же Русскій?

— По всей той границѣ шинкари изъ Русскихъ; трубчевской откупщикъ снялъ всё шинки по границѣ, да и насажалъ изъ Русскихъ, чтобъ водку въ Россію не перевозили.

Я вошелъ въ шинокъ, а за мной и отставной солдатъ. Въ шинкѣ сидѣла Жидовка-дѣвка, лѣтъ 20 слышкомъ, да Жидовка-женщина, лѣтъ подъ сорокъ.

— Эй, Жидовá! крикнулъ за меня солдатъ, — дай человѣку напиться чего! да поскорѣй!

— Да чего же? спросила оторопѣвшая Жидовка.

— Да чего-нибудь! Только ты, почтенный, воды не пей: хуже пить захочется; а спроси-ка полкварти пива — лучше будетъ.

— Коли станешь со мной пить, спрошу пива, отвѣчалъ я солдату, — ато не надо.

— Пожалуй! побалуемъ пивомъ! Эй, Жидовá! скорѣй полкварти пива давай!

— Только пойдемъ изъ шинка, тамъ гдѣ-нибудь выберемъ мѣстечко, тамъ и пиво выпьемъ.

— Пойдемъ, сядемъ на бугорокъ.

— Давно въ отставку? спросилъ я солдата, когда мы съ нимъ сѣли за пиво.

— Да ужъ давно: съ 834 года въ-чистую уволенъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Когда жъ ты въ службу пошелъ?

— Въ службу пошелъ я въ 806 году.

— Долго же ты служилъ?

— Да послужилъ-таки Богу и великому государю; всего-на-все моей службы больше двадцати-восьми лѣтъ насчитаешь.

— Много, чай, видѣлъ на своемъ вѣку?

— Какъ не видать?

— Ну, а когда лучше было служить: въ прежнія времена, хоть въ 806 году, или теперь?

— Съ которой стороны возьмешь: съ одной стороны было лучше прежде, съ другой теперь стало лучше. Льготы солдату стало больше.

— Чѣмъ же?

— Одежа стала легче. Теперь что солдатская одежда? Все равно — ничего!... Самъ и одѣнется, самъ и раздѣнется.... Выскочить зачѣмъ изъ фронта, — самъ и раздѣлся, самъ и одѣлся, и опять во фронтъ.

— А въ-старину?

— Въ-старину было не то. Бывало, не раздѣнешся самъ, а одѣваться! не то что самъ, а одинъ и не одѣнешь! Бывало, веревкой опояшутъ да кряжемъ скручиваютъ, а поверхъ веревки протупею надѣнутъ. Опять взять штаны, что лѣтнія, что зимнія натянуть — вошь не подлѣзетъ; все равно, какъ обольютъ штанами ногу ту!... А стануть пудрить!...

— А тебя развѣ пудрили?

— А какъ же?

— И косу носилъ?

— Нѣтъ, косы не носилъ, а такъ борошномъ завивали да пудрой посыпали.

— Кто же? Другъ друга?

— Нѣтъ, солдатъ такъ не сдѣлаетъ; на это были особенные парукмахыры; завѣтъ тебя парукмахырѣ, натретъ голову саломъ, а послѣ мукой посыпетъ; кисти у нихъ такія были; возьметъ онъ кисть эту, обмокнетъ въ муку, наставитъ кисть на голову, да и толкаетъ кулакомъ по кисти, а мука-то на тебя и сыпется.... Бывало, завтра надо въ парадъ, такъ съ вечера начнутъ убираться... намажутъ голову саломъ, обсыпятъ тебя мукой, такъ спать-то и нельзя: муку оботрешь, волосики помнешь!... Такъ и сидишь цѣлую ночь, и къ стѣнкѣ прислониться нельзя, и на руку не облокотишься!... Да и муку-то покупали на солдатскія же деньги....

— Сами солдаты покупали муку?

— Нѣтъ, изъ солдатскихъ денегъ вычитали на муку, а покупало — — начальство. Да и вся служба солдатская стала не та.... Какая теперь служба? солдата никто не смѣй пальцемъ тронуть! Этого я не хвалю. У насъ, бывало, солдатъ учить можно было, а теперь какъ его выучишь? Бить его нельзя: какъ ему службу, нужду солдатскую укажешь? безъ битья рекрута въ настоящіе солдаты и не произведешь!

— Отчего же?

— Такъ, не произведешь.

— А солдату теперь лучше?

— Солдату? какъ можно! На половину... куда на половину!... Третію часть прежней службы не осталось! — —

— Чѣмъ же сперва было лучше?

— Начальство было лучше.

— Чѣмъ же начальство было лучше?

— А всѣмъ, за что не возьмешь! — — Тогда были начальники крѣпкіе, твердые....

— Тѣ крѣпкіе начальники били солдатъ, а теперешніе, ты самъ говоришь, не бьютъ.

— Да и за солдата не стоять.

— А прежніе стояли?

— — — Стояли!... Теперь солдата поставятъ въ хату къ мужику, все равно, что его и нѣтъ у тебя на квартирѣ.... Да еще что? Хо-

зяину тотъ солдатъ воду носить, дрова рубить.... Ну, а прежде — — придетъ, бывало, на квартиру солдатъ, — — спросить солдатъ чего, хоть птичьего молока, хозяйка давай!

— Ну, а ежели нѣтъ у хозяйки?

— Гдѣ хочешь доставай хозяйка, хоть жаромъ духъ пускай, а солдату давай!...

— Что жъ, хозяева жаловались начальникамъ вашимъ? спросилъ я.

— Жаловаться?!.. Ну, этого не было!

— Отчего жъ?

— Ну, нѣтъ! жаловаться не ходили: пожалуется — хуже будетъ хозяину. — —

— Отчего жъ теперь солдаты такъ не дѣлаютъ?

— Попробуй-ка теперь какой солдатъ то сдѣлать, такъ сей-часъ къ начальнику, а отъ начальника теперь никакой заступы!

— А при тебѣ были другіе начальники? спросилъ я, когда тотъ пересталъ говорить.

— Всякіе были; я только одно скажу: старинные начальники — — заступу дѣлали — — солдату — — Только за службу и спрашивали.

— А за службу спрашивали?

— За службу спрашивали. Былъ у насъ майоръ изъ хохловъ же, изъ насъ; — — Ну, а на службу — держи ухо востро! — — меньше двухсотъ палокъ и не отсчитывалъ.... — —

— И любили его солдаты?

— Нельзя было не любить: своего ни за что солдата не выдастъ.... А и лихой былъ командиръ: ничего не боялся, никого отродясь не трусилъ, хоть кто будь. Разъ мы пришли въ Петербургъ; привели насъ на какую-то улицу Грязную; на этой улицѣ Грязной сталъ смотрѣть насъ Аракчеевъ....

— А ты видалъ Аракчеева?

— Какъ не видалъ? Тутъ же на смотру бывалъ Аракчеевъ; такъ былъ маленькій, черномазенькій, каржавенькій.

— Такъ что же Аракчеевъ на смотру?

— Пріѣхалъ это Аракчеевъ смотрѣть насъ... тогда къ царскому параду готовились.... И то не такъ, и это не такъ! И то дурно, и это не хорошо!.. — —

— И Аракчеевъ ничего?

— На ту пору ничего; только вышли мы на Царицынъ Лугъ; вышли наши армейскіе, вышла и гвардія. Пріѣхалъ самъ царь Александръ Павловичъ, и Аракчеевъ пріѣхалъ. Царь скомандовалъ, Аракчеевъ скомандовалъ гвардіи, да не ту команду объявилъ, — гвардейцы и перемѣшались. А тутъ майоръ верхомъ на лошади... а лошадка была плохенькая: такъ кобылка куцынькая... Майоръ-то перещеголялъ гвардейцевъ, — — и своихъ армейцевъ выставилъ!... — — А тутъ подѣхалъ царь. — «Спасибо, майоръ, спасибо!» говоритъ царь майору, — — а Аракчеевъ такъ и остался.

— Такъ и ничего майору Аракчеевъ и не сдѣлалъ? спросилъ я разскащика.

— На ту пору ничего.

— А послѣ?

— Послѣ къ чему-то привязался — — Аракчеевъ.

— А Аракчеева солдаты любили?

— —

— Да Аракчеева никто не любилъ: ни великій князь Константинъ, ни генералы, ни солдаты.

— А въ сраженіяхъ Аракчеевъ каковъ бывалъ? спросилъ я. —
Хорошъ?

— Аракчеевъ и въ сраженіяхъ не былъ ни въ одномъ. — —

— А ты бывалъ въ сраженіяхъ?

— Э-э! бывалъ!... Я въ самое сраженіе-то почитай всю службу прошелъ.

— А въ какихъ же ты сраженіяхъ былъ?

— Да я всѣ кампаніи выслужилъ: и съ Французомъ, и съ Шведомъ, и съ Туркомъ... Только съ Французомъ больше всѣхъ войны у насъ было: сперва мы Прусаку помогали, а тамъ война была у насъ съ Французомъ же, какъ Французъ Москву сжегъ; а тамъ сами къ Французу два раза ходили.

— И ты бывалъ?

— А какъ же? бывалъ!

— Такъ ты много-таки видывалъ?

— Видывалъ! Сперва говаривали: «бывалый человекъ: не изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ», а я про себя скажу: не въ семи царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ!

— Въ какихъ же ты царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ?

— А давай считать. Прусаку помогали, у Прусака были, — это

разъ; подъ Турка ходили, Турокъ — два; у Шведа — три; какъ Француза гнали, тутъ земель много прошли.

— Какія жъ тамъ земли?

— Тамъ много всякихъ: тамъ Саксонія, Буварія, Австріяны — такъ, жемгульный народъ... Еще земля, гдѣ наша царевна Марія Павловна живетъ, — не велика земля, не большая, а хорошо живутъ... да тамъ много земель, и не пересчитаешь.

— Хорошо тамъ живутъ?

— Всяко бываетъ: кои хорошо, а бываетъ кои, что и дурно, это и вовсе плохо.

— Гдѣ же плохо?

— Да вотъ хоть Австріяны.

— Австріяны плохо живутъ?

— Плохо! Сами-то Австріяны, настоящіе, тѣ живутъ хорошо; а другимъ-то у нихъ ужъ очень плохо!

— Какимъ же другимъ?

— Ты развѣ не знаешь? Была Польша царство, а сосѣдомъ у Польши царства: Австріяны, Прусакъ да мы; сосѣди сговорились промежь собой, да и разписали по себѣ Польшу. Такъ приписнымъ-то къ Австріянамъ, не настоящимъ, ужъ очень плохо! бѣдно живутъ!

— А прочія земли?

— Турокъ живетъ не хорошо; у тѣхъ повѣрья нехорошія.

— Какія жъ у нихъ повѣрья?

— У насъ — Христось, Богородица, Николай угодникъ, а у Турокъ только и есть, что одинъ Мугамедъ.

— Какой Мугамедъ?

— У Турокъ онъ самый и есть за всѣхъ. А такъ, распутный человѣкъ. «Вина», говоритъ, «не пей, а женъ сколько хочешь держи.» Вотъ и вся ихъ вѣра; а Турокъ ему одному только и молится!

— Только одному и молится?

— Одному! Вотъ еще Шведъ, не ловко живетъ; не то, чтобъ не хорошо, а такъ: за большимъ хлюстомъ не гонится, — ему этого не надо совсѣмъ.

— А другія царства?

— Тѣ хорошо живутъ. Вотъ что Буварія, что Санонія, что земля, гдѣ живетъ наша царевна, живутъ — и Боже мой!... Вотъ еще Французъ...

— Какъ тѣ живутъ?

— Да вотъ я у Француза два раза былъ, а больше полфунта хлѣба въ день и не съѣшь.

— Отчего?

— Того да сегохватишь — ну, и сытъ!... Фрухты разные.... А вина простого нѣтъ: всё вино ренское!

— Ренское вино лучше нашего?

— Ренское лучше: выпьешь стаканъ два, хоть и три — ни рукой, ни ногой не владѣешь, а не ошалѣешь, память не отшибетъ. Нашей водки выпьешь два стакана — и память всю отшибетъ, и на другой день голова болить, а отъ ренскаго и голова не болить.

Павелъ Якушкинъ.